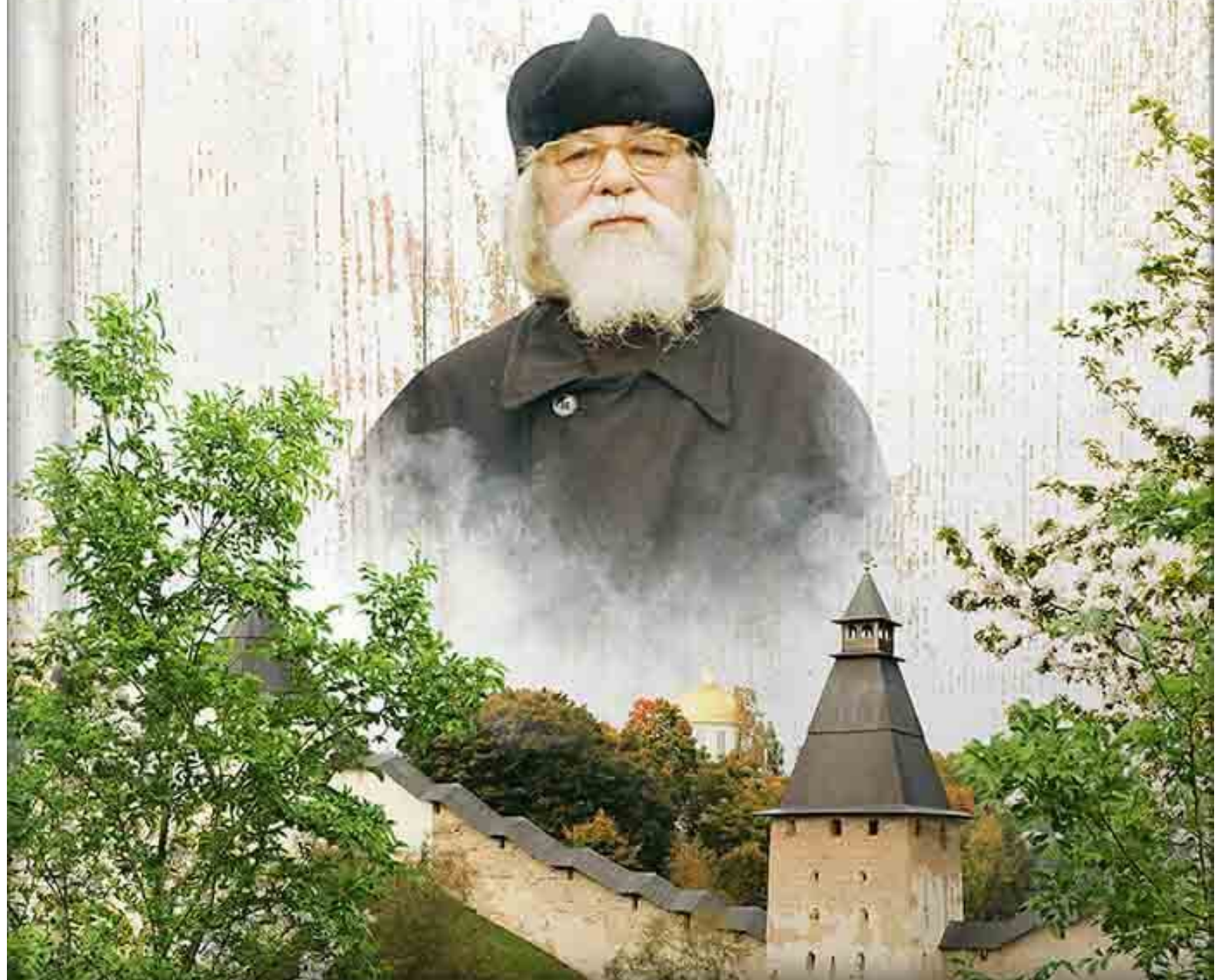

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА

для монашествующих и мирян

**Настольная книга для
монашествующих и мирян**

«Вольный странник»

2021

Настольная книга для монашествующих и мирян / «Вольный странник», 2021

ISBN 978-5-905113-55-0

Книга эта составлена архимандритом Иоанном (Крестьянкиным) и названа им настольной. Она предназначена для помощи тем, кто стремится к «почести вышняго звания», к обретению верного и прямого пути ко спасению, дабы шествуя оным, благочестиво пожив на земле, наследовать и Царство Небесное.

ISBN 978-5-905113-55-0

, 2021

© Вольный странник, 2021

Содержание

Предисловие	6
Основание монашества	7
О монашестве	18
Четыре поучения протоиерея Иоанна Восторгова	18
Подвижничество и монашество	19
Монастыри и служение народу	27
Монашество	31
Смысл и значение монашества	36
Тропинка к единому на потребу	41
Об обязанностях монашествующих	41
Душеполезные наставления	43
Что внутри нас деется?	46
Семь нечистых духов	48
О семи горячностях духа	51
Исповедный листок	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Составитель архимандрит
Иоанн (Крестьянкин)
Настольная книга для
монашествующих и мирян**

© Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2021

Предисловие

Монашество – великая Божия тайна. И для тех, кто дерзает вступить в эту святую тайну и приобщиться к истинному духу иночества, на все времена сохранил Господь в писаниях опыт Отцов, которые прошли этим путем в радость Вечности. А сей малый сборник собрался как ответы на вопросы, которые ставила предо мной жизнь за время моего становления и жизни в тайне монашества.

Мое монашество началось с послушничества в шестилетнем возрасте и до 56 лет проходило на приходе среди волнений и забот многмятежного мира, и завершается тридцатилетним монашеским житием в сем древнем монастыре.

Вопросов мне, пастырю, было много, и у пастыря-монаха их возникало не меньше. А ответы, получаемые в писаниях Отцов, проверялись моей длительной монашеской жизнью во времени на личном опыте и на опыте других.

И вот теперь, как крупницы живого опыта, хочу оставить этот сборник в завет и назидание, и практическое руководство инокам, и в научение мирянам: всем, в чьем сердце затеплится любовь к таинственному монашескому житию в Боге.

Насельник Псково-Печерского Свято-Успенского монастыря многогрешный архимандрит Иоанн

Основание монашества

Преподобный Антоний Печерский. Фреска Успенского собора. XVI в.

Начало монашескому образу жизни положено было еще в III веке, но в IV веке оно получает полное развитие. Ослабление строгости христианской жизни, со вступлением в Церковь таких язычников, которые в христианстве заботились только о мирских интересах, побуждало ревнителей благочестия уходить из городов и селений в пустыни, чтобы там, вдали от мирских волнений, проводить жизнь в подвигах самоотречения, молитве и размышлениях о Боге. В ряду таких подвижников первое место занимает преподобный Антоний Великий, по справедливости считающийся основателем монашества. Он родился в Египте в 251 году, в богатом христианском семействе. Когда ему было 18 лет, родители его умерли, и он остался наследником значительного состояния. Но сердце Антония не лежало к земным благам. Однажды, придя в церковь, он услышал слова Евангелия: *Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19, 21). Это изречение благочестивый юноша принял как Божественное призвание к жизни самоотреченной и поступил так, как было сказано: продал свое имение, деньги раздал бедным, а сам удалился к одному старцу-отшельнику, обитавшему вблизи его родного селения, и под его руководством предался подвижнической жизни. Но, стремясь к совершенному уединению, юный подвижник скоро оставил старца и поселился сначала в пустой гробовой пещере, а потом в развалинах старой крепости на восточном берегу Нила, где не было никакого человеческого жилища. Двадцать лет прожил в этих развалинах св. Антоний в совершенном уединении, подвизаясь в посте и молитве и подвергая себя всевозможным лишениям. Только два раза в год некоторые из его друзей приходили к нему сюда и приносили ему хлеб, получая взамен корзины, сделанные руками преподобного.

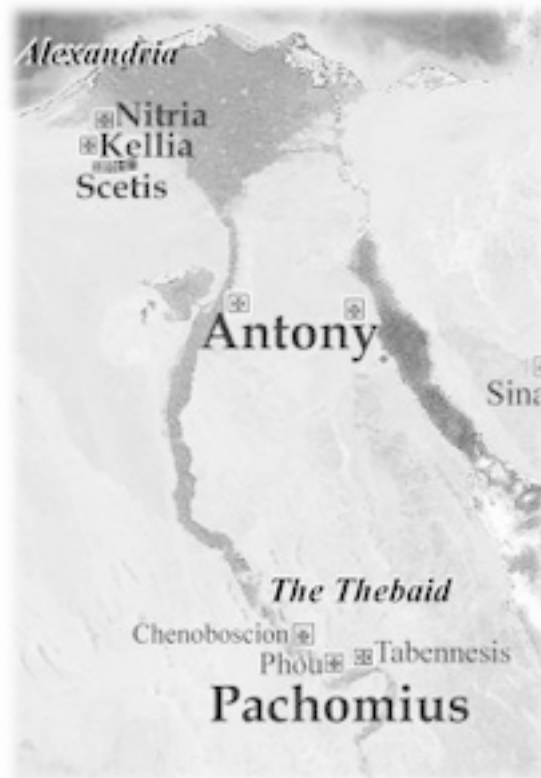
Святой преподобный Антоний Великий. Фреска церкви Панагии Аракиотиссы в деревне Лагудера, Кипр. 1192 г.

Суровая отшельническая жизнь, которую вел преподобный, проходила, однако, не без тревог и волнений. С одной стороны великий подвижник нередко подвергался искушениям от демонов, наводивших на него страх и ужас разными чудовищными привидениями, а с другой его душу смущали собственные его помыслы об удовольствиях и наслаждениях, оставленных им в мире. Увеличив свои труды и усилив молитвы, он, наконец, укрепился настолько в духовной жизни, что ни демонские искушения, ни собственные помыслы не тревожили его более. Слава о необыкновенной жизни Антония между тем распространилась по всему Египту, и многие из христиан стали посещать его, а некоторые пожелали даже поселиться около него, чтобы под его руководством вести такую же подвижническую жизнь. Антоний согласился принять на себя обязанность руководителя в отшельнической жизни, и вокруг него образовалось целое общество учеников-подвижников. Это была первая монашеская община (305 г.).

Подробных правил относительно монашеской жизни Антоний не давал своим ученикам; но в общем виде он точно определял те требования, какие они должны были выполнять, чтобы достигнуть высшего нравственного совершенства. Так он, словом и примером собственной жизни, заповедовал им: полное отречение от всех земных благ, совершенную преданность воле Божией, молитву, уединенные размышления о Боге и мире духовном, телесный труд и прочее.

Через шесть лет (312 г.) после основания монашеской общины преподобный Антоний, беспокоимый множеством посетителей, удалился из развалин крепости в так называемую внутреннюю пустыню, отстоявшую на три дня пути к востоку от места его последних подвигов, и поселился в одной горной пещере. Только по временам приходил он к оставленной им братии для назидания и укрепления ее в духовной жизни. Но народ нашел его и в новом уединении, тем более, что Господь сподобил великого подвижника дара чудотворения и прозрения. Люди всех сословий, богатые и бедные, знатные и незнатные, приходили к нему в пустыню, одни – чтобы видеть святого мужа, другие – чтобы получить от него совет, утешение, или исцеление. Приходили к нему даже языческие ученые, привлекаемые его славою, и вступали с ним в споры

о вере. Антоний, глубоко изучивший человеческую природу и уединенными размышлениями достигший полного христианского ведения, своими простыми безыскусственными рассуждениями всегда одерживал над ними верх. Слава Антония была так велика, что даже сам император Константин обращался к нему с письмом, в котором называл его отцом и убеждал писать к себе о нуждах. Но Антоний, порвавший все связи с миром, не хотел было даже принять письма и, только по убеждению братии, принял и написал ответное письмо, в котором, верный самому себе, хваля благочестие царя, советовал ему не превозноситься царским званием, так как цари земные имеют над собою Царя Небесного, Иисуса Христа.

Антоний удалился из развалин крепости во внутреннюю пустыню, отстоявшую на три дня пути к востоку от места его последних подвигов

В течение своей долговременной отшельнической жизни преподобный Антоний только два раза оставлял свою пустыню и появлялся в мире. В первый раз он приходил в Александрию в 311 году, во время гонения Максимиана, чтобы ободрить и утешить страдальцев за веру, а во второй раз – тоже в Александрию в 351 году, чтобы поддержать православных в борьбе с арианами. В последний раз появление в шумном городе уважаемого столетнего пустытника было особенно благотельно для Церкви; в несколько дней он обратил ко Христу значительное число язычников и еретиков. В последние годы своего пребывания во внутренней пустыне преподобный Антоний встретил там Павла Фивейского, еще прежде него начавшего подвижническую жизнь и до встречи с ним не выдавшего человеческого лица; по сказаниям житий, Антоний и похоронил Павла. Сам Антоний, проживши в пустыне более 85 лет, мирно скончался в 356 году (105 лет от роду).

Преподобный Антоний основал иночество отшельническое, скитское. По установленному им порядку, подвижники, находясь под руководством одного старца, аввы (отца), жили отдельно друг от друга в хижинах или пещерах и предавались подвигам уединенным. Такие подвижнические общины назывались лаврами. Но еще при жизни преподобного Антония появился другой род иноческой жизни – иночество общежительное. Подвижники, собираясь

в одну общину под управлением одного аввы, проводили жизнь вместе в одном или нескольких помещениях, следуя одним общим правилам. Такого рода общины назывались киновиями, монастырями.

Основателем монашества общежительного был преподобный Пахомий Великий (годы жизни: 292–348). Он был родом из Верхней Фиваиды; родители его были язычники, и сам он был в молодости язычником. Состоя на военной службе, он во время одного похода имел случай познакомиться с христианской благотворительностью, пожелал сделаться христианином и, действительно, по окончании военной службы крестился. Слава египетских подвижников привлекла его к иноческой жизни. Ознакомившись с подвижнической жизнью в Фиваидской пустыне под руководством одного старца, Пахомий для дальнейших подвигов избрал уединенное место при Ниле, известное под названием Тавенны. Сюда пришел к нему брат его Иоанн, и они прожили и подвизались вдвоем, доставая пропитание трудами рук своих. Здесь же у преподобного Пахомия созрела мысль основать иночество общежительное. На одном острове Нила он начал устраивать монастырь, в котором бы желающие подвизаться жили вместе. Слава о подвигах Пахомия скоро привлекла к нему множество учеников, так что построенный им монастырь не мог вместить всех желающих, и он принужден был основать еще несколько новых монастырей не в дальнем расстоянии друг от друга на берегах Нила. Он устроил также и женский монастырь на другом берегу Нила; в нем первой жительницей была сестра Пахомия.

Святой преподобный Пахомий Великий. Фреска церкви Святого Георгия в Старо Нагоричино, Македония. 1316–1318 гг. Иконописцы Михаил Астрада и Евтихий. Фрагмент

В своих монастырях Пахомий ввел определенные правила монашеского общежития. Это первый иноческий устав. Всё общество монахов, разделенное Пахомием на 24 класса, по степени развития их духовной жизни, находилось под управлением одного общего аввы, каковым был при жизни своей Пахомий. Ему принадлежал главный надзор над всею братиею. Далее, каждый монастырь имел своих второстепенных начальников, называвшихся настоятелями и игуменами. Они находились в подчинении у главного аввы и сообщали ему о состоянии своих

монастырей. В монастырях были еще экономы с помощниками, заведывавшие хозяйственной частью. А так как каждый монастырь делился на несколько общин, состоявших из трех или четырех домов, и в каждом доме было по нескольку келий, в которых жило по два и по три монаха, то были еще и в каждом доме частные надзиратели, подчиненные настоятелям монастырей. Начальствующие лица должны были быть образцами строгой жизни для остальной братии. Под руководством своих начальников монахи проводили жизнь в молитве, чтении книг духовного содержания, особенно Священного Писания, в трудах.

Общественное богослужение совершалось два раза в сутки – днем и ночью. Монахи собирались в церковь по данному знаку, скромно и в молчании, читали Священное Писание и молитвы, пели псалмы. В первый и последний день недели причащались Святых Таин, причем литургия совершалась обыкновенно соседними пресвитерами из сёл, так как Пахомий, опасаясь появления в братии духа любочестия, не допускал, чтобы кто-нибудь из них принимал пресвитерский сан, как и сам не принял его. Кроме того, иноки должны были совершать молитвы отдельно в каждом доме перед отходом ко сну и после сна. После молитвы или богослужения настоятель предлагал братии беседы об истинах христианских. Чтением монахи занимались в своих кельях во время, свободное от молитвы и от работ. Книги они получали из монастырской библиотеки от эконома.

Работы, которыми занимались монахи, были разного рода. Они возделывали землю, разводили сады, работали в кузницах, в мельницах, кожевнях, плотничали, валяли сукна, плели корзины и циновки. Вообще иноки занимались всякого рода трудом, необходимым для содержания целого общества; сторонних средств к жизни у них не было никаких. На работу они выходили в порядке и молчании, вслед за своим настоятелем. Молчание вообще предписывалось во всякое время, во избежание пересудов. Все эти обязанности иноки должны были исполнять с безусловным послушанием, по данному знаку. Послушание, от которого зависит весь порядок монашеской жизни, предписывалось самое строжайшее. Без позволения начальников никто из братии не только не мог выйти из монастыря, но не мог даже начать новой работы или перейти с одного места на другое.

Явление Ангела Господня в схиме прп. Пахомию Великому. Фреска церкви Преображения Господня в монастыре Зрзе, Македония. 1368–1369 гг.

Одежду иноки носили все одинаковую и самую простую. Нижняя одежда была льняная, хитон без рукавов, верхняя – кожаная; на голову надевалась волосяная шапочка – кукуль, а на ноги – сандалии. Эта одежда никогда не снималась, даже во время сна. Постелей для сна у иноков Пахомия не было, а были седалища с наклоненным задником и двумя загороженными стенками; подстилать дозволялось только рогожу. Вставали иноки задолго до рассвета. Пища употреблялась иноками самая простая, однажды в сутки, обыкновенно в полдень. Это – хлеб, маслины, сыр, овощи и плоды. В субботу и воскресенье была, впрочем, вечерняя трапеза. Ели все вместе, в молчании, опустивши на лицо покрывало, так что не могли видеть, как и что кто ест. Пахомий, предлагая братии всё необходимое для поддержания жизни, предоставлял каждому по своей воле умерщвлять свое тело, но в то же время он осуждал тех, которые принимали пищу с жадностью.

Одним из главных обетов иноческих Пахомий поставлял в своих правилах – совершенную нестяжательность. Вступающему в общину монахов не дозволялось приносить в монастырь никаких имуществ; даже одежда мирская вновь прибывшего отдавалась неимущим мирянам. Монахи не должны были иметь ничего собственного. Работа, исполненная тем или другим братом, принадлежала не ему, а всей общине. Считалось преступлением, если кто из братии сберегал у себя в келье деньги, хотя бы самую малую монету. Всё, необходимое для жизни, – пищу, одежду – иноки получали из общих средств монастыря. Экономы распоряжались снабжением братии пищей и одеждой из материалов, заготовленных в монастыре или купленных ими на стороне на деньги, вырученные от продажи иноческих изделий. Чтобы все эти строгие правила выполнялись иноками неизменно, Пахомий установил, чтобы вступающие в его общину не прежде были принимаемы, как после годичного испытания, чрез опытных старцев, их готовности вести жизнь согласно этим правилам. При жизни преподобного Пахомия основанное им на таких началах общество монахов возросло до 7000, а через сто лет после него – до 50 000. И отшельническое, и общежительное монашество скоро распространилось по всему Египту и даже перешло отсюда в другие страны. Так, Аммон основал общество пустынножителей на горе Нитрийской с прилегающей к ней пустыней; Макарий Египетский – в так называемой пустыне Скитской, где было много замечательных подвижников; Иларион, любимый ученик Антония, перенес монашество на свою родину, в Палестину, где около Газы основал монастырь. Отсюда монашество распространилось по всей Палестине и Сирии. Василий же Великий, совершивший путешествие по Египту и Палестине и ознакомившийся с тамошней жизнью, распространил монашество – как мужское, так и женское – в Каппадокии. Устав, который он дал своим монахам, скоро распространился по Востоку и стал всеобщим.

В V веке уже весь Восток был усеян множеством монастырей. Из подвижников V века замечательны: Исидор Пелусиот, Симеон Столпник, Евфимий, Савва Освященный и многие другие. Исидор, человек богословски и философски образованный, удалившись в египетские пустыни, проводил жизнь подобно Иоанну Крестителю: одевался в одежду из жесткого волоса и питался только кореньями и травами. Выбранный настоятелем одной монашеской общины, он вел такую же суровую жизнь и располагал к тому же братию. Симеон, родом сириянин, много лет подвизался в молитве, не сходя со столпа и перенося голод и все атмосферные перемены. Он положил начало новому роду подвижничества – столпничеству. Евфимий, основатель палестинской лавры, за свои подвиги получил дар чудотворений. Савва, ученик Евфимия, начал пустынножескую жизнь с восьми лет. Он основал множество монастырей в Палестине и ввел в них определенный богослужебный устав.

Преподобный Исидор Пелусиот. Миниатюра Миналогия Василия II. Константинополь. 985 г.

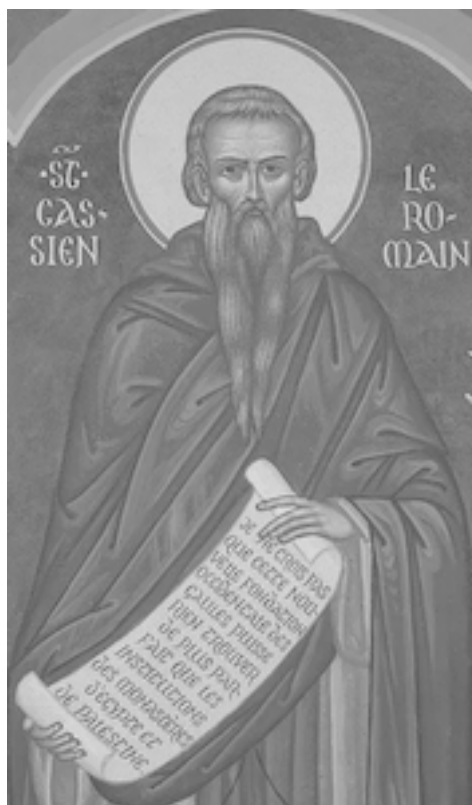
Наконец, кроме столпничества, в V столетии явился еще особый род подвижничества – это в обителях неусыпающих. Один инок, Александр, устроил такой монастырь, в котором богослужение совершалось непрерывно, в течение целых суток. Богатый константинопольский житель Студий, которому понравился такой порядок, построил в Константинополе монастырь и пригласил поселиться в нем общину неусыпающих. Этот монастырь получил название студийского.

В VI веке были замечательными подвижниками: Симеон юродивый, принявший на себя подвиг юродства и достигший полного бесстрастия, и Иоанн Лествичник, много лет подвизавшийся на горе Синайской и написавший сочинение, известное всем под названием «Лествицы», в котором изобразил степени духовного восхождения к нравственному совершенству; в VII веке – Алипий Столпник, подвизавшийся на столпе более пятидесяти лет. В конце VIII и начале IX века представителем строгой монашеской жизни был известный поборник иконопочитания – Феодор Студит. Из его монастыря, славившегося строгостью иноческой жизни, выходило много подвижников благочестия, например, в IX веке Николай, подвергшийся истязаниям за иконопочитание; Иоанникий, прославившийся даром прозрения, и другие.

Становятся известными пустынноики на Афоне. Таковы – св. Петр (XI в.), подвизавшийся здесь с лишком пятьдесят лет в одиночестве, и св. Анастасий (X в.), устроивший на Афоне монастырь, в котором вскоре появилось множество подвижников.

На Западе монашество распространилось с Востока. В первый раз познакомил Запад с восточной монашеской жизнью св. Афанасий Великий жизнеописанием преподобного Антония, переведенным на латинский язык. Далее, во время афонских смут (около половины IV века), многие западные епископы были удаляемы на Восток, где знакомились с монашеской жизнью и, возвращаясь домой, заводили у себя монастыри. Таков, например, Евсевий, епископ Варчелльский. Кроме того, такие великие мужи как Амвросий Медиоланский, Иероним, Августин, Мартин, епископ Турский в конце IV века имели большое влияние на развитие в западном обществе расположения к монашеской жизни. Иероним, проживавший долгое время

на Востоке, в Вифлеемском монастыре, своими письмами оттуда о тихой монашеской жизни побудил многих знатных римских мужчин и женщин начать монашескую жизнь. У Мартина Турского при его жизни, было уже до 2000 монахов. Но гораздо более имел успеха Иоанн Кассиан в начале V века. Он был человек образованный, путешествовал по Востоку, познакомился с правилами общежительных монастырей и перенес их в южную Галлию, где в Массилии (Марсели) основал два монастыря. Но, вообще, монашество на Западе не встретило сначала такого сочувствия, как на Востоке, и распространялось гораздо медленнее. Условия жизни и климат на Западе были совсем не такие, как на Востоке; поэтому восточное подвижничество прививалось там труднее.

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин

По действующим в России узаконениям монашество имеет своим последствием ограничение гражданских и государственных прав. Монах не может занимать мирских должностей; он может переменить место жительства только с разрешения своего начальства, он не может иметь своего имущества (родовое идет при пострижении его наследникам, а благоприобретенное он может предоставить, кому пожелает) и приобретать таковое.

Монахи не могут делать духовные завещания и не пользуются правом наследования. Лишь архиереям и другим духовным властям предоставлено право завещать свою собственность. Кельи и другие здания внутри монастыря, построенные монахами для собственного употребления, считаются собственностью монастыря. Не запрещается владеть движимым имуществом – книгами, деньгами и т. д., причем деньги можно помещать в банки и кассы.

Запрещаются – торговля (кроме продажи вещей своего приготовления), вступление в обязательства и договоры от себя (но от монастыря и по поручению начальства можно), принятие чужих вещей на сохранение (кроме книг); поручительство и ходатайство в делах, не относящихся к духовному ведомству. Монахи освобождены от податей и телесного наказания.

Сложивший с себя монашество по личному желанию и с позволения духовного начальства возвращается со всеми правами, принадлежащими ему по происхождению, но с лишением

чинов и отличий, заслуженных им до пострижения. После добровольного сложения сана данное лицо в течение 7 лет находится под церковной епитимией; в это время ему нельзя жениться, приписываться к обществам в той губернии, в которой он был монахом, и жить в столицах. Сложившие сан не имеют также права поступать на гражданскую службу.

Из полного православного богословского энциклопедического словаря

Основатели Киево-Печерской лавры и монашества на Руси

Преподобный отец наш АНТОНИЙ Печерский – начальник всех Российских монахов; 1073 год, 10 июля – день кончины.

Преподобный отец наш ФЕОДОСИЙ, игумен монастыря Печерского и начальник в Российской земле монашеского общего жития; 1074 год, 3 мая – день кончины. Празднование им вместе 2 сентября ст. стилия.

Празднование в честь иконы БОЖИЕЙ МАТЕРИ ПЕЧЕРСКОЙ (с предстоящими Антонием и Феодосием) 3 мая ст. стилия.

Преподобный Антоний Печерский, основатель Киево-Печерского монастыря, по справедливости считается отцом русского монашества. Антоний был родом из города Любеча Черниговской губернии. С молодых лет питая склонность к жизни иноческой, Антоний отправился на Восток, был в Константинополе, а оттуда прошел на Афон. Строгость иноческой жизни афонских подвижников так понравилась Антонию, что он упросил игумена одной из афонских лавр принять его в число братии и постричь в иночество. Увидя его ревность в прохождении монашеских подвигов, игумен понял, какую пользу мог бы принести Антоний в России, и, призвав к себе, сказал: «Иди опять на Русь, и да будет на тебе благословение Святой Горы, ибо от тебя имеют произойти многие черноризцы». Антоний, придя в Киев, обошел все монастыри, но ни в одном не нашел такой строгой жизни, к какой привык на Афоне, и в 1013 году поселился в пещере недалеко от города и начал вести отшельническую жизнь. Скоро покой его, однако, был нарушен: преемник Владимира Святого, Святополк Окаянный, начал преследовать христиан и умертвил нескольких монахов из Киевских обителей. Тогда Антоний, покинув свою пещеру, опять удалился на Афон. При новом князе Ярославле Антоний возвратился в Киев. Слава о его подвижнической жизни очень скоро распространилась по всему Киевскому княжеству, и вот к Антонию начинают приходить всякого звания люди: кто за благословением и советом, кто с просьбой принять к себе на сожительство. Первым поселился в его пещере пресвитер Никон, постригавший затем всех, кого принимал Антоний. За ним пришел Феодосий.

Преподобные Антоний и Феодосий Киево-Печерские

Детство свое Феодосий провел в Курске, в доме матери и, рано научившись читать, увлекся аскетическими книгами и стал мечтать о монашестве. Мать была против намерений Феодосия, ссорилась с ним из-за этого, даже била, но Феодосий был непреклонен. Несколько раз пытался он бежать в какой-либо монастырь, и, наконец, нашел себе убежище по сердцу – пещеру Антония, куда и был принят и пострижен в монашество в 1052 году. Когда братии у Антония собралось 12 человек, они выкопали себе в пещере церковь, а рядом устроили кельи. Антоний, чувствуя склонность к жизни отшельнической, созерцательной, скоро оставил братию и, поставив им игуменом Варлаама, сам удалился в затвор.

Жизнь иноков проходила в долгих церковных службах и тяжелых трудах. Пища была скудная и малопитательная, да и ее многие вкушали в самом малом количестве и не каждый день. О материальной обеспеченности ни игумен, ни братия не заботились, и очень часто случалось, что с вечера они не знали, чем будут питаться завтра. После Варлаама игуменом, по желанию всей братии, Антоний назначил Феодосия. При нем число братии стало быстро расти, ни храм, ни кельи не могли вместить всех, и вот, с благословения Антония братия, на пожертвованной князем Изяславом горе вместо прежней пещерной церкви устроили новую деревянную церковь во имя Успения Божией Матери, поставили кельи, оградил все постройки тыном и, таким образом, с 1062 года открыли Печерский монастырь, пошедший, по замечанию летописцев, от благословения Святой Афонской Горы. Здесь, в пещерной церкви, был похоронен и основатель киевского монашества Антоний в 1073 году. Печерский монастырь мало-помалу сделался образцом для всех других монастырей и стал оказывать огромное влияние на всю русскую религиозность. Аскетическая настроенность распространялась из него и в обществе. Из Киево-Печерского же монастыря пошла на Руси письменность и духовное просвещение.

Слава о Киево-Печерской лавре, как хранительнице многих святых, дошла и до настоящего времени. Сколько паломников ежегодно прибывает сюда на поклонение святым угодникам, почивающим в Ближних и Дальних пещерах лаврских. Православный русский народ

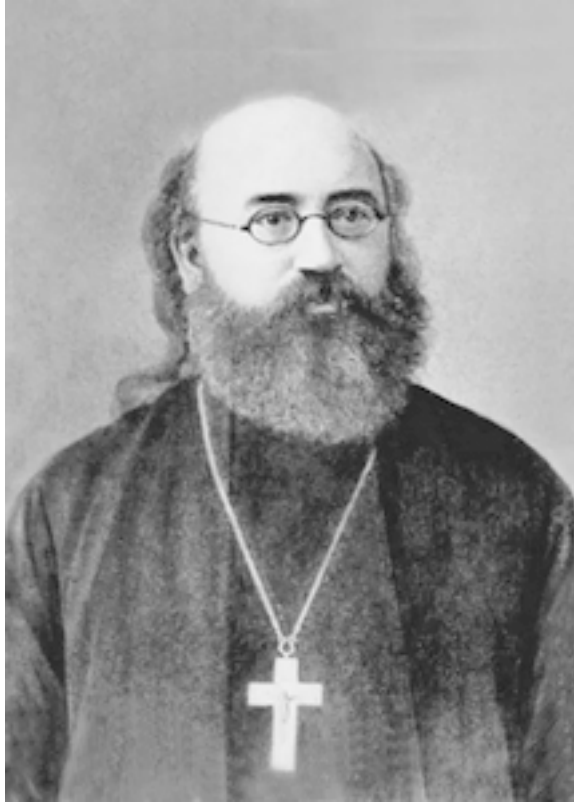
твёрдо помнит, что Киев – это колыбель христианства, здесь, по преданию, был апостол Андрей Первозванный, водрузил на горах Киевских крест и своими стопами освятил Киевскую землю.

Здесь в священных волнах Днепра, как в библейском Иордане, совершено было крещение наших предков – славян, здесь же почивают святые равноапостольные Владимир и Ольга, здесь многие нетленные тела угодников Божиих источают благодать, всем с верою приходящим и поклоняющимся. Братья-христиане, если кто имеет возможность, сходите или съездите в Киев, там душа ваша найдет мир и благодатное освящение.

Радуйтесь, Антоние и Феодосие, монашеского в России жития первоначальницы.

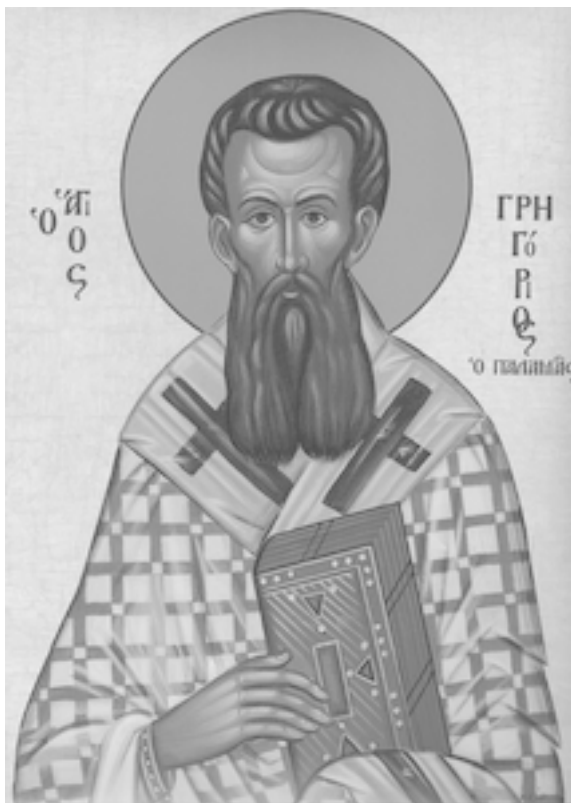
О монашестве

Четыре поучения протоиерея Иоанна Восторгова

Иоанн Восторгов родился 20 января 1864 года в семье священника, в Ставропольской епархии. В 1887 году был рукоположен во иерея. Господь определил отцу Иоанну путь апостольского служения. Сначала его назначили епархиальным миссионером Грузинского Экзархата, затем, после перевода в Москву, Священный Синод, оценив по достоинству проповеднический дар молодого священника, назначил его синодальным миссионером-проповедником. Одновременно отец Иоанн являлся членом Миссионерского и Училищного советов. Во время многочисленных поездок по стране отец Иоанн произносил проповеди в храмах, беседовал с народом. Он укреплял в людях православную веру, предостерегал от увлечения революционными идеями, пророчески говорил о грядущих тяжелых испытаниях и жестоких гонениях на веру и Церковь. После революции отец Иоанн открыто обличал богоборческую власть, призывал верных чад Церкви к исповеданию веры Христовой вплоть до мученической кончины. Будучи настоятелем храма Василия Блаженного, он служил молебны на Красной площади и призывал народ к покаянию. Летом 1918 года отец Иоанн был арестован. 23 августа (ст. ст.) его вместе с другими осужденными привезли с Лубянки на братское кладбище. После горячей молитвы отец Иоанн первым подошел к могиле и обратился к остальным, призывая с несомненной верой в милосердие Божие и скорое возрождение Родины принести последнюю жертву. Всей своей жизнью протоиерей Иоанн Восторгов неустанно проповедовал веру Христову, и венцом этой проповеди стала его мученическая кончина, которой он засвидетельствовал свою веру даже до смерти.

Подвижничество и монашество

Святитель Григорий Палама

Беседа в С.-Петербургском Троицком лаврском подворье в Неделю 2-ю Великого поста, 22 февраля 1909 года

Немногим, может быть, известно, что в нынешнее второе воскресенье Великого поста Святая Церковь празднует память святого Григория Паламы, архиепископа Фессалоникийского, или Солунского.

Величайший подвижник, постник и труженик, он достойно и вполне ко времени прославляется во дни подвига, и поста, и трудов духовных. Величайший и ревностнейший защитник учения Православия о необходимости для христианина целожизненного подвига и подвижнической жизни; величайший и пламенный защитник так называемого аскетизма – необходимости и обязательности постоянного самовоспитания, самоотречения, самоограничения, отказа от удовольствий и утех мира, величайший защитник монашества от всех на него обвинений и клевет, которыми и в его дни хотели унижить, очернить, опозорить этот обет благочестивых душ, – святой Григорий Палама достойно и вполне ко времени и к месту (в этом монастырском храме) да будет ныне нашим руководителем и учителем в церковном учительном слове.

Не в его только время были ожесточенные нападки на учение Церкви о подвиге и подвижничестве как существе и основе духовной жизни христианина. Раскройте газеты, так называемые передовые, почитайте современные книги, послушайте новых наших искателей истины религиозной и религиозного обновления – и вы непременно услышите глумления над аскетизмом и монашеством. К чему, говорят, все эти посты, выстаивания в церкви, слезы самообвинения, сокрушения во грехах?! К чему эти заповеди, и требования, и советы во всём себя ограничивать, отказываться от радостей жизни?! Неужели спасает нас и Богу нужна постная

еда, неужели Богу нужны наши подвиги? Всё это, говорят, выдумали монахи, принявшие свое учение от Византии. Вам скажут, что христианство есть религия света, веселья и радости, а монашество всё облакает в печаль и черную одежду; что христианство есть религия жизни и говорит о жизни, а монашество всё твердит о смерти, об одной смерти. Вам скажут, что не нужно, да и Христос не требует никакого подвига, что аскетизм, подвижничество не указаны в Евангелии, что надо трудиться в семье и общественной жизни, а не за стенами монастыря. Вам внушат отсюда вывод, что монашество есть нечто неестественное и противоестественное, ибо Бог дал человеку мир, семью, жизнь для наслаждения, а монашество требует от всех этих благ сурового отказа. Мало того: вас будут убеждать, что подвиг монашества есть следствие себялюбия, заботы только о себе самом, о своем личном спасении, а не о ближних и не о мире, что этот подвиг вредный, во всяком случае он не приносит никому пользы и никому не нужен. Кому, спрашивают, кому польза от того, что я отказал себе в том или другом удовольствии, или что я ел капусту и картофель вместо мяса?

Увы, послушайте многих, называющих себя православными и верующими, даже усердных посетителей храма Божьего, и вы от многих из них также услышите отзывы и суждения, или совершенно тождественные с только что приведенными, или во всяком случае выражающие открытое и глубокое нерасположение к учению православия о подвижничестве и, в частности, к монашеству и монашескому подвигу. Я убежден, что среди вас, братие, есть много таких, которые все эти рассуждения слышали, а многие из вас – и сами их повторяли.

Все это – вследствие долгого общения русских людей с иностранцами и влияние немецкой веры, в которой (разумею протестантство), действительно, выброшено учение о постах, о подвигах, об обетах, о монашестве. Теперь эту немецкую веру так усердно навязывают нам сектанты – различные баптисты, пашковцы, штундисты, молокане. И они, подобно протестантам, совершенно отвергают всякое подвижничество, льстят чувственности людей и этим увлекают их в свои сети.

Святой Григорий Палама до возведения своего в сан архиепископа Солунского долгое время жил и подвизался на Афоне; опытно он познал иноческий подвиг, видел и знал очень много подвижников. Обладая к тому же обширным по своему времени образованием, особенно же основательно зная Священное Писание, обладая редким по глубине умом и огненным словом, он явился победоносным защитником монашеского звания и жития, слышным для всего тогдашнего мира. Даже взятый в плен врагами-мусульманами, он и из заточения, и в узах продолжал святое дело победоносной защиты благочестивого подвижничества.

За такие великие заслуги Церковь и почитает его похвалами, и посвятила ему особый день прославления во дни поста. Одно это уже должно нас утверждать в том глубочайшем уважении, которое заповедует нам Святая Церковь по отношению к подвижничеству и монашеству. Столь велико это уважение, что высшие священнослужители Церкви, как люди, от коих, естественно и справедливо, требуется и высший подвиг, обязательно должны иметь монашеское звание. Впрочем, и для других служителей Церкви свобода от монашеского звания дана только по снисхождению и ради нужды. Вот почему, чем сильнее нападки на Церковь, чем глубже нравственное падение общества, чем ожесточеннее ярится неверие, тем, обыкновенно, более и более злостными и прямо бешеными являются нападки на монашество. И чем сильнее врагам хочется поскорее ниспровергнуть Церковь, тем более у них желание, прежде всего, уменьшить в ней число монахов и монастырей, преградить всем путь к подвижничеству, уронить в глазах всех монашество и его подвиг. Знают дети человекоубийцы-диавола, что с падением монашества и православия падет всё православное: вера, житие, подвиг, смиренномудрие, богослужение, покорность церковной власти... Знают это – и с тем большею и лукавейшею злобою ополчаются против монашества.

Монастыри Святой Горы Афон

Итак, прежде всего говорят, что подвижничество вообще, монашество же, в частности и в особенности, есть требование от человека чего-то неестественного и даже противоестественного. Согласимся на время с такими суждениями; поверим на слово. Подвиг монашества, говорите вы, неестественный, но что же это значит: монастыри переполнены; желающих принять монашеские обеты – сколько угодно. Не всем, конечно, ведомо, что, например, в царствование покойного царя нашего, боголюбивого государя императора Александра III, за двенадцать лет число одних монахинь в женских монастырях увеличилось на двадцать тысяч в православной России. Что это значит: естественный это подвиг или неестественный? Стоит только где угодно открыться хоть небольшому монастырю, и тотчас же в нем появляются насельники.

Где основывались обители? Они исстари возникали в лесах, пустынях, суровой и неприглядной обстановке, с житием «жестоким» и тяжким. И, однако, они не оставались пустыми. Если вы возьмете седую древность, то увидите, что пустыни египетские были как бы царством монахов, которых там насчитывали буквально десятками тысяч. Если вы посмотрите на Афон, то поразитесь и здесь тем, что весь Афон исключительно занят десятками монастырей, в которых живут тысячи монахов.

Если возьмете историю нашего православно-русского народа, вы с изумлением увидите, что сотни монастырей возникали в древние времена на Крайнем Севере, в полном безлюдье, среди диких инородцев, что дикие и суровые края – Архангельский, Олонецкий, Вологодский, Вятский, страны – Московская, Ярославская, Пошехонская сияли монастырями, как звездами, что монахи и подвижники исходили своими стопами леса и дебри этого в то время пустынного Севера и всюду оставили скиты, монастыри, святыни и свои мощи, что Русская страна воистину освящена стопами святых и убелена костями преподобных. И ныне посмотрите, Закавказье, при всех опасностях жизни, наполняется монастырями; далекая Сибирь уповаает на обители, зовет монашествующих, на самом Дальнем Востоке, на пустынных берегах Усури, возникает и уже цветет благочестием иноков Николо-Усурийская святая обитель, святой отпрыск здешнего Валаама.

Монашество наложило печать святости на русскую народную душу и сделало ее сродною подвигу, доступною к святым запросам и влечениям к Богу и небу. Монашество наложило печать порядка, мира, чистоты и на русскую семью, сделав ее «домашнею церковью» в нашем народе, и на весь уклад жизни русского села и русской деревни, дало русской жизни как бы порядки и настроения обители: повиновение старшим, безгневие, терпение своей доли, упование на милость и волю Божию, равнодушие к земным и материальным благам и удобствам.

Неужели «неестественный» подвиг, неестественные его требования могли дать такие плоды? Может быть, скажут, идут в монашество насильем? Но ведь первое условие и первый вопрос постригаемому – это вопрос о том, вольной ли волею и не принуждением ли он приходит к своим обетам? И далее: в монастырях затрудняются не тем, что некого постригать, а наоборот, тем кого из множества желающих можно удостоить пострижения. И если есть или бывали случаи принуждения, то их, конечно, несравненно меньше, чем случаев принуждения ко вступлению в брак. Но тогда с тем же правом и основанием можно и брак, и семейную жизнь объявить и называть явлением неестественным. И если всякое подвижничество называть неестественным, то надо с тем же основанием считать неестественными все христианские добродетели, ибо все они требуют подвига и сдержанности: терпения, смирения, целомудрия, кротости, всепрощения.

Говорят: религиозная жизнь слагалась и слагается и в приходе; и приходы могут сделать то, что делали монастыри. Заметьте же еще один бесспорный и изумительный закон жизни, подтвержденный всей историей Церкви и доселе подтверждаемый: в тех общинах и церквях, в тех народностях, где процветало и процветает монашество, где мы видим напряженное стремление к иноческому подвигу, в то самое время процветала и процветает и приходская жизнь. И, наоборот, где не было и нет монашества, падала и падает жизнь прихода.

Монастыри – это как бы запасные водоемы живой воды религиозного воодушевления; они питают и увлажняют иссохшие пустыни духа мирской жизни, они дают живительную и спасительную влагу душам жаждущим. Посмотрите на племена, которые, по отсутствию в них духа подвижничества, не давали монастырей и монахов, – какие-либо абхазцы, осетины Кавказа, какие-либо инородцы Сибири: это жалкие племена; среди них не только нет приходской жизни, но и вообще религиозная жизнь проявляется едва заметно. Посмотрите на древние народности, некогда славные в истории веры и благочестия. Если пало среди них иночество – верный признак: там пала непременно и вообще жизнь духовная, религиозная и жизнь прихода. Таковы нынешние несториане, копты, армяне, таковы некоторые и православные народности, которых не станем называть ради любви: их православие, без монашества и подвижничества, – только в одном названии.

И слава, и благодарение Господу за то, что наш православный русский народ любит и чтит святое подвижничество, – ищет обителей, ищет святынь, жаждет поклониться святым местам, совершает обетные благочестивые паломничества. Среди тяжелых испытаний жизни последних лет, среди этого беснующегося моря неверия, безнравственности и пороков, при виде ярящегося натиска всяких безбожных учений, при виде поднимающейся злобы всяких расколов и сект, когда горем и ужасом сжимается сердце, когда готово закрасться в душу отчаяние за светлое будущее нашего милого, бесконечно дорогого родного народа, среди тяжелых дум, среди горестных предчувствий – ты одна, несказанная и непостижимая, святая и сияющая любовь русского народа к аскетизму – к монашеству и монастырям, к богомолению и подвигу – ты одна светишь нам радостною надеждою на обновление и возрождение жизни, на великое ожидающее нашу родину будущее. Ибо оно, это обновление и возрождение – в силе жизни духа, а не в тех внешних реформах государственного и общественного строя, на которые теперь возлагают столько надежд: самое лучшее лекарство не поможет трупу... Ибо оно – в той боязни греха, как коренного зла, которую заповедует Спаситель в ныне слышанном евангельском чтении об исцелении расслабленного: не тело Господь ему исцелил, а душу, и

прежде, чем повелел ему: возьми постель и ходи, Он изрек благодатное слово: чадо, отпускаются тебе греси твои (см. Мк. 2, 9, 5). Ибо оно, начало жизни, обновление и возрождение – в стремлении к вечности, в том чувстве и предощущении иного невидимого вечного мира, без коего жизнь человека недостойна и названия человеческой, в том стремлении, которое звучит у всех избранных душ, которое охватывало пророка Давида, повторено ныне святым апостолом в слышанном сегодня его слове: *...в начале Ты, Господи, землю основал еси, и дела руку Твоею суть небеса. Та погибнут, Ты же пребываеши, и вся, якоже риза, обетшают, и яко одежду свиеши их, и изменятся: Ты же Тойжде еси, и лета Твоя не оскудеют* (Евр. 1, 10–13). Тогда при свете вечного, полно смысла и полно настоящей жизни всё временное и земное, ибо получает свое надлежащее место и свое подлинное значение. Таковую боязнь греха, такое памятование о вечности и проповедовали всегда русскому народу монастыри и подвижники.

И если жив дух народа, и если не оземлился он в помыслах, и если не осутился он до конца и не стоит уже перед своею смертью, то живо в нем и стремление к подвигу ради высших и вечных начал и задач духа. Тогда запретите подвиг, уничтожьте монастыри, разорите обители, запретите посты, молитвы, хождения по святым местам: ничего не достигнете. Правда с неба воссияет, от земли приникнет. Велика истина и превозможет. Люди веры, люди духа найдут пути и средства к проявлению врожденного стремления к подвигу и к подвижничеству пред Богом, к исполнению заповеди Спасителя: *иже хоцет по Мне ити, да отвержется себе...* (Мк. 8, 34).

И что же выходит? Не противоестественное это влечение, напротив, самое глубокое и естественное; не насилие оно над духом, напротив, отрицание его и гонение против него есть величайшее насилие над живою душою, и подавление его в полном смысле и противоестественное, и противно слову Христову. Вот на Западе искажено в католичестве и совсем отвергнуто в плотском протестантстве, столь любезном для наших русских сектантов и поклонников плоти, начало подвига. Что же вышло? Один из сильнейших умов современности, сам, к сожалению, вовсе, можно сказать, не христианин, одним только умом постиг тайну силы каждой религии и, указывая ее в аскетизме, говорит: «С этой точки зрения католичество есть огромное злоупотребление христианством, а протестантство есть его полное отрицание». Прислушайтесь вы к тоске верующих протестантов; посмотрите, как льнут они к подвижникам, хоть издали, как тяготели они к отцу Иоанну Кронштадтскому; посмотрите, как они всеми силами в Америке, в Англии, в Германии стараются устроить нечто подобное нашим монастырям: и вы убедитесь в силе того начала подвига и самоотречения, которое защищал и оправдал жизнью святитель Григорий Палама.

В протестантстве для высших духовных лиц не требуется обетов подвига монашества. Но кто знает историю и жизнь этой оторвавшейся от древа Церкви усыхающей ветви, тот невольно поразится сравнением, которое сразу бросается в глаза: за истекшие четыреста лет со времени появления протестантства в Православии явилось среди архиереев, среди подвижников столько святых, столько людей, к которым верующие всегда шли за молитвою, за словом утешения и назидания, открывая им душу и совесть, отдавая свою жизнь, свою волю их руководительству, между тем в протестантстве буквально не было ничего подобного. Где там святые? Где пастыри душ? Где люди, привлекающие к себе совесть ближних? Кто о них слышал? Что такое все эти немецкие супер-интенденты (*фр. intendant – лицо, которому поручалось управление какой-либо отрасли*), пасторы, пресвитеры, которых теперь в сектантстве хотят навязать и русскому народу заезжие заморские проповедники? Всё это бездушные правители, мертвые проповедники мертвых слов, но не живые носители живых словес, говорящих и ответствующих вопрошающей совести. Укажите там лиц, подобных преподобному Сергию, или Серафиму Саровскому, или Затворнику Феофану, батюшке отцу Амвросию (преподобный Амвросий, старец Оптинский), или отцу Иоанну (св. праведный Иоанн Кронштадтский), укажите благодатных властителей душ и совестей! Их нет там, где нет подвига, и быть не может.

Это именно обстоятельство и лишает жизнь духовную в протестантстве и в сектах естественности и свободы, того самого, что они так ценят и к чему, по-видимому, стремятся.

Есть люди, от природы склонные к тихому пребыванию вне шума мирского, неспособные к житейской борьбе, чуждые жизни семьи, расположенные к молитве и созерцанию дел Божиих. Они идут в монашество. Естественно ли их отворачивать от подвига? Есть люди, разбитые жизнью, потерпевшие кораблекрушение в житейском плавании; им жизнь мира не мила, они потеряли к ней вкус и склонность, они чувствуют себя там одинокими, у них опустились руки, упало сердце, погасло мужество. Они идут в монастырь и там находят для себя покой души и бодрость сил, воодушевление подвига, смысл и полноту жизни. Естественно ли и соответствует ли требованию любви закрывать им путь к такому подвигу?

Есть люди, всецело преданные Богу и Церкви, высокому религиозному служению. Они желают до конца и безраздельно отдаться служению Богу, они живут только религиозной идеей, они служат только Церкви. Естественно ли им запрещать такое целостное и безраздельное служение? Богородица, Иоанн Креститель, Иоанн Богослов, апостол Павел – можно ли было их принудить к браку и семье? Сам Спаситель, совершеннейший Человек, всё воспринявший человеческое от рождения и младенчества до голода, страданий и смерти, однако, не имел семьи, ибо семьей Его был весь род человеческий. И это не было нарушением законов естества.

И разве воины идут на битву с женами? И разве мало таких обстоятельств жизни, при которых, ради служения долгу, было бы прямо неестественным связывать себя обязанностями мирскими? Почему же в религиозном служении Высшему Началу надо насильно навязывать иной закон?

Здесь, напротив, часто господствует правило: кто может, тот должен совершить подвиг; *могий вместити, да вместит* (Мф. 19, 12). И для могущего вместить, очевидно, подвиг является естественным.

Еще возражают против подвижничества: подвижники – эгоисты; они заботятся только о своем спасении, а не о спасении других. О, оставь, злостный судия, оставь подвижников служить Богу, как они тебе не мешают служить ближним; по крайней мере, хоть не мешай ты им делать то, чего желает их совесть, то есть не суди подвижников... У них, как некогда

у Христа и апостолов, своя семья, свое братство, своя священная дружина; у них тоже забота друг о друге, с тою разницею, что если в семье заботятся о своих кровных и следуют закону естества, то обители принимают, любят и успокаивают чужих людей, которых до того времени не знали и не видели. Это еще более высокая школа любви, чем семья и круг близких родных.

Подвижники, говорят, наконец, – это бесполезные и ненужные люди, если даже не вредные, это часто тунеядцы, живущие чужими жертвами... Да, если пользу измерять благами материальными, то это верно. Но кто ценит молитву пред Богом за грешный мир, кто ценит созидательное значение доброго примера чистоты, воздержания, терпения, исполнения добровольно воспринятого долга, смирения и готовности на помощь ближнему, постоянного духовно-молитвенного настроения, тот такого жестокого и жесткого слова не произнесет.

А что подвижники живут чужими жертвами, то ведь это, как мы много раз замечали, говорят исключительно те судьи, которые сами не давали на них ни одной копейки. Те же, что жертвовали и жертвуют, обыкновенно молчат и не судят. В таком случае, лучше и судьям сим не говорить, лучше умолкнуть.

Так падают и современные обвинения против подвижников, как падали под ударами слова святителя Григория Паламы нападки на иноков его времени. И мудро судил святитель Божий; он верно указал великую пользу иночества.

В истории Церкви Христовой всегда, во дни гонений и опасностей веры от врагов и еретиков, монашество давало бестрепетных и мужественных борцов за Церковь. Не связанные ничем, они свободно могли жертвовать собою в борьбе с гонителями и, действительно, нередко жертвовали и жизнью. Что несет нам будущее? Нет признаков, что оно несет благо и спокойствие для Церкви. Напротив, много признаков того, что Церковь ждут тяжкие испытания, что вера православная от своих родных детей получит удары, и поношения, и лишение прав, что начнутся на нее гонения. И опять великую услугу ей окажут подвижники, люди, что ей всецело отдали и посвятили все свои силы. Они собирают, и хранят, и запасают теперь силы, которые выступят на дело борьбы за святыни веры. Войско, конечно, нужно только во время войны; войны же бывают редко... Но безумно то государство, которое не готовит войско во дни мира. Так и монашество.

Но помимо сказанного, изъять подвижничество из области веры и Церкви, это всё равно, что изъять воодушевление, огонь ревности и увлечение из всякого дела. Чем выше дело, тем больше должно быть в нем такого воодушевления: немислима без этой силы поэзия, мертва наука, невозможны изобретения, безжизненно слово, завянет общественная жизнь, угаснет всякая борьба и отлетит всякая победа. Отнимите подвижничество от религии, и из мира уйдет не только одушевляющая эту область сила, нет, уйдет источник всякого другого воодушевления, в какой бы области оно ни проявлялось – и сразу станет в мире так мертво, холодно и бесприютно! Подвиг – это цвет, это весна религиозной жизни, а без цветка нет и плода.

Только поклонением и служением плоти или сознательною враждою к Церкви, сознательным желанием нанести ей вред, или, наконец, злобной завистью к любви народа, что изливается на монастыри, можно объяснить современный поход против монашества и аскетизма. Плотским людям противен один вид монашества, ибо он мешает им заглушить голос совести, напоминает им, что они блудны и скотоподобны. Они и понять такого подвига не могут: плотской человек не приемлет того, что от Духа Божия, и не может разуметь; это для него – безумие (см. 1 Кор. 2, 14). Что касается врагов Церкви, то им ясно, что монашество и любовь к нему народа – это несокрушимая опора и твердыня ненавистной им Церкви, это то, чего нет ни у какой секты, мечтающей заменить Православие и лишенной силы удовлетворить врожденную человеку жажду подвига. Стоит ли, наконец, даже говорить о завистниках? Они обычно твердят, что среди монахов много дурных людей. Пусть так. Но народ любит, и ищет, и находит не дурных монахов, а хороших. Но эти монахи, говорят далее, лицемерят и лицемерием обманыв-

вают простодушных богомольцев. Скажем и на это, что, когда богомолец увидит, что монах, которого он считал хорошим, оказался дурным, он поищет и найдет хорошего.

Что же, спросите вы, к чему эта речь о монашестве? И неужели всем нам идти на этот подвиг?

Речь о монашестве – ради памяти его защитника, святого Григория Паламы. Речь о монашестве – ради чести иноков, здесь подвизающихся, – и то, что не они сами об этом говорят, а говорит священник, сам не монах, имеет тем большее значение. Речь о монашестве – ради того, чтобы нам уважать этот великий, святой, нужнейший подвиг в Церкви, а с другой стороны, чтобы уразуметь, что подвижничество есть самое существо нравственной жизни христианина. И если монаху предписывается правилами не унижать мирского жития и не зазирать брака, как Богом благословенного, то тем более нам нет основания и извинения зазирать подвиг иноческий. Не всем, конечно, идти на такой подвиг: *могий вместити, да вместит* (Мф. 19, 12). Но всем обязательно почтение к тем, которые вместили, и поддержка их любовью, молитвою и сочувствием. Монашество только возглавие, завершение и совмещение всего христианского подвижничества. Но и всем христианам обязательны воодушевление веры, подвиг поста, умерщвление страстей, смирение, самоотречение; всем обязательно знать и помнить, что жизнь вовсе не есть веселый пир, беспечальное пребывание, нескончаемая утеха, нет, она есть подвиг труда и искупляющего страдания.

Без подвига нет жизни, без борьбы нет заслуг, без труда нет плода, без победы нет венца!
Аминь.

Монастыри и служение народу

Речь инокам Уссурийского Свято-Троицкого Николаевского монастыря, в Неделю 8-ю по Пятидесятнице

Благочестивая душа одного нашего русского поэта, при виде дождя, падающего с неба, при виде нив и полей, готовых к жатве, при представлении будущего богатого урожая хлеба, излилась однажды в трогательной молитве к Богу; поэт-мыслитель представляет себе при виде всего этого духовный голод нашего народа и просит Господа:

О Боже, Ты для Родины моей
Даешь тепло и дождь – дары благие неба;
Но, хлебом золотя простор ее полей,
Ей также, Господи, духовного дай хлеба.

Сегодня, под влиянием прослушанного евангельского сказания о насыщении Спасителем великого множества народа пятью хлебами, под влиянием пребывания в вашем монастыре, с его широкими просветительными задачами в настоящем и, особенно, в будущем, – невольно в слове проповеди церковной представилась мне мысль о необходимости духовного просвещения нашего родного, бесконечно дорогого сердцу, православно-русского народа. Ведь и Господь Иисус, как известно из Евангелия, обратил потом чудо телесного насыщения народа в повод для беседы о хлебе вечном и живом, о духовном насыщении, после которого уже не взалчет человек снова.

И вам самим, возлюбленные братья этой обители, вам разве не близок сердцу тот же предмет беседы? Откуда вы пришли сюда? Из какого класса народа приходите?

Из дальних стран нашего отечества, со всех его краев, из всех губерний и областей, – вы здесь как бы представители всей России, но какой России? России чернорабочей, крестьянской, того простого, трудолюбивого русского народа, который так жаждет духовного просвещения. Вот вы нашли себе приют и покой под сенью обители священной; у вас строй и порядок жизни; у вас молитва и богослужение; у вас наставление и руководство; у вас единство в исполнении обетов вашего звания. А там, в русских селах и деревнях, что? Одна ли нищета и бедность? Там часто видим пьянство, нечестие; там часто свары и раздоры; там грубое и глубокое невежество, и не всегда от недостатка земли или тяжелых условий труда, а часто от той же великой духовной темноты, от духовного голода зависит и самая нищета жизни нашего народа.

Теперь он идет сюда, в Сибирь и на Дальний Восток, в переселение. Но если там, в оставленной им родине, «в России», как здесь говорят, были обители, храмы, школы, пастырство, были хоть какие-либо источники света, то что же будет с нашим народом, если погаснут эти немногие светильники, если здесь он получит только землю для посева и получения хлеба и не найдет ни святой обители, ни своего храма, ни пастыря и никакой заботливости о своем духовном насыщении и просвещении? Говорит нам слово другого поэта, даже не ревностного христианина:

Если ты обездолен людьми и судьбой,
Если горе к тебе залетело,
Если тяжкий недуг, присосавшись змеей,
Как огнем иссушил твое тело;
Если нет от тоски тебе сна по ночам,

Если труд твой в руках не спорится,
Приходи в монастырь приложиться к мощам,
Приходи в монастырь помолиться!

Что, если и этого утешения не дать нашему народу? Куда он пойдет в своей тьме и куда потом он придет? И я, при всём моем недостойнстве и незначительности моей личности, имею право заговорить здесь с вами о духовном питании нашего народа, имея от власти церковной и царской повеление собрать и представить сведения об удовлетворении духовных нужд наших переселенцев в Сибири и на Дальнем Востоке и об учреждении здесь святых обителей.

Посему могу в собрании вашем, среди братии монастырской, поведать тугу сердечную, обратиться к вам с просьбою и усердным молением, вместе с тем и возблагодарить святую обитель вашу за то, что она уже сделала и делает для нашего народа.

Один святой подвижник наглядно представил нам связь любви к Богу с любовью нашей к ближнему. Представьте себе круг – это весь мир; в середине, в центре его, точка – это Бог; по окружности точки – люди; возьмите точки от окружности, приближайте их к центру, к Богу, – они вместе с тем будут приближаться одна к другой, пока не сольются в центре...

Вы избрали себе путь приближения к Богу, служения Ему: знайте, что этим вместе вы служите и ближним, исполняете долг своей любви к ним; знайте потому, что святые обители подвижников суть не убежища себялюбцев, как суесловят и баснословят неразумные хулители монашества, нет, они суть школы и проявления истинной любви к людям, носители духовного спасения для гибнущего мира.

Троице-Никольский Шмаковский Уссурийский монастырь

Итак, покажите в служении народу нашему прежде всего пример молитвы, молитвы неустанной, бодрой и неунывающей, высокой и одухотворенной, и вы дадите ему чрез это приближение к Богу, очищение от грехов, отраду сердца, радость души в страданиях, бодрость и веру, осмысленное существование. Здесь в молитве вашей, которая перельется и в души богомольцев, почувствует народ и познает, что он – дитя Божие, призванное любовью Божественною к жизни святой и чистой, долженствующее по силе своего призвания христианского отвращаться от всякого вида порока, страсти, нечистоты, пьянства и разгула; здесь утешится

он в своих горестях, в нищете и познает, что не пусто между землей и небом, что есть наш Заступник и Утешитель, что не воздремлет, ниже уснет хранитель жизни нашей – Господь.

Покажите народу нашему эту величавую, умилительную, несказанную красоту нашей церковности и богослужения; чтобы затрепетала его душа от дивных молитв и песнопений Церкви; чтобы чувствовала она себя в райском блаженстве, в общении с Ангелами во время богослужения; чтобы незаметно пролетали для нее часы продолжительных ваших молений; чтобы, подобно древним послам Владимировым, мог говорить народ, что за вашими службами, бдениями, молениями, славословиями, среди этой красоты церковной, пред иконами, святынями, в общении со всею братией – он не знает, где находится, на земле или на небе. Тогда, вкусив сладкого, он уже не захочет горького.

Где же найдет он у себя в убогих селах и деревнях эту красоту церковную? Где найдет это истовое, душе народной любезное чтение и пение церковное, эти пения и лики, этих канонархов, эти сходы-катавасии, эту уставность и этот порядок – плод долговременного и усердного монастырского навыка в совершении богослужения? И если мир так ценит всякую красоту – красоту слова, архитектуры, художества, искусства, даже до всяких театров включительно, ради красоты внешней забывая то внутреннее безобразие гнилой и отравленной пищи духовной, предлагаемой в театрах, если эта красота, как уверяют, воспитывает человека, облагораживает его, поднимает духовно – то как же не дать народу и как можно лишить его безмерно высшей красоты церковной, в коей внутренняя красота и достоинство нетленной и спасительной духовной пищи сочетались с внешнею неотразимою, захватывающею красотою?

Дайте народу поучение веры и жизни и, во-первых, в собственном примере, а затем и в учительном слове. Пусть оно раздаётся здесь непрестанно, вещая о Боге, о небе, о законе Господнем; пусть оно сеется здесь нескучно, мерою полною: какое-нибудь зерно, и не одно, все-таки западет в душу скорбную, ищущую, пылливую, настороженную – и плод принесет. Не смущайтесь возможною некоторою неискусностью слова: в деле Божиим эта неискусность вовсе не первое дело; и верьте: сказанное в простоте, услышанное здесь в храме душою простою, производит оно часто более глубокое и действенное впечатление, чем слово, отточенное человеческим искусством, которое нередко является лишь «чесанием ушес», пустым и бесплодным, забываемым через несколько минут после того, как оно произнесено.

Троице-Никольский Шмаковский Уссурийский монастырь

Постарайтесь о том, чтобы народ запечатлел это слово учительное не только в сердце, но чтобы он унес его домой, сообщил его домашним, положил его себе на полку в избе, возвращался бы к нему в часы досуга или богомыслия, иначе говоря – дайте ему листок, книжечку, иконку, священное изображение. Капля за каплей, день за днем вливая это питание и питье духа в жизнь народную, вы исполните слово Христово, слышанное нами сегодня в Евангелии и обращенное к апостолам: ...*дадите им вы ясти* (Мф. 14, 16).

О, *дадите им вы ясти*, напитайте душу народа в его голоде и жажде, в его темноте и скорби, в его естественной и неизбежной растерянности здесь, на новом месте обитания! *Иже сотворит и научит, тот велий наречется в Царствии Небесном.*

И за всем сим, позвольте принести вам благодарное слово, не для гордыни вашей и не для человеческого обычая приятной лести, не для пустой любезности или тщеславия, – позвольте поблагодарить вашу святую обитель за труд, за богослужение, за ваш свечной завод, первый и единственный на Дальнем Востоке, за величественные крестные ходы, устрояемые для народа, за привлечение множества богомольцев и за сотни тысяч листков и книжечек, иконок и изображений из вашей собственной типографии, которые можно встретить здесь по всему краю в избах крестьян и новоселов и которые получены от вас, розданы вашей обителью.

Да будет воспомянуто слово апостола к возлюбленным Филиппийцам: Я уверен, что начавший в вас доброе дело будет творить его даже до дня Господа нашего Иисуса Христа (см. Флп. 1, 6).

Молим Господа Иисуса, да будет полна ваша духовная житница, да ширится она всё более и более и да питает она духовно наш добрый, наш милый, бесконечно дорогой, родной наш православный русский народ. Аминь.

Монашество

Из слова в праздник Успения Пресвятой Богородицы в Уссурийском Свято-Троицком Николаевском монастыре, на Дальнем Востоке, 15 августа 1913 года

Люди нынешнего века не понимают, не ценят и, более того, осуждают монашество. «Оно – будто бы – есть ненависть к жизни; оно есть ненависть к человеческой природе; оно есть ненависть ко всякой законной, естественной человеческой радости, и поэтому противоречит “Евангелию”, то есть благой и радостной вести, возвещенной миру христианством», – вот что слышится теперь нередко. Много и иных возражений слышим против монашества. Отмеченные обвинения против монашества – это наиболее из распространенных в наше время; разделяются они и распространяются, главным образом, людьми «образованными», но, проникая в газеты, листки, брошюры, они смущают многих и простецов веры.

Замечали ли вы, что многие из обителей мужских и женских особенно почитают Богоматерь, образец иноческих добродетелей – девства, целомудренной чистоты, кротости и послушания воле Божией? А ведь Она есть и Дева и Матерь. Чудо это как бы повторяется и на монашестве: отрекаясь от брака, сохраняя девство, увенчивая хвалами целомудрие, монашество истинно христианское, истинно православное не зазирает благословенного брака и благословенного от него рождения детей. Так и Спаситель, не имевший семьи, – и как возможно представить Его не таковым? – однако, ласкает, благословляет детей, этот плод брака, и первое чудо совершает на браке в Кане Галилейской, где Он Сам был одним из участников семейного торжества и почетным гостем.

Замечали ли вы, далее, в честь каких священных событий по-видимому, но именно только по-видимому, далеких от представлений и образов, коими живет монашество, основаны многие из самых многолюдных, древних и чтимых наших обителей? Рождество Предтечи, Зачатие Пресвятой Богородицы; Рождество Богородицы, Рождество Христово... Что это? Ненависть к жизни? Ненависть к семье? Ненависть к продолжению рода человеческого?

Уже эти внешние и, так сказать, косвенные указания говорят непредубежденному человеку о том, что монашество не может быть врагом и ненавистником жизни, проповедовать, ожидать одну только смерть и одною этою смертью определять и расценивать жизнь людей.

Откуда же такие обвинения и обвинители? Где корень и источник столь печального заблуждения и недоразумения?

Обвинители не дают себе труда надлежащим образом вдуматься в такое великое явление как монашество, которое современно, в лице Богоматери, Иоанна Крестителя, апостола Иоанна Богослова, апостола Павла – современно самому христианству, будучи освящено и благословлено прежде всего и Самим Христом.

Христианство – всеобщая, всеобъемлющая истина. Христос Иисус, его Основатель и предмет веры христиан, есть Бог совершенный и совершенный Человек. А мы, люди, каждый из нас каждый отдельный человек – несовершенен и не может быть существом всеобъемлющим. И поэтому каждая отдельная группа людей, каждый народ так же, как и отдельный человек, может воспринимать только одну какую-либо или несколько сторон в христианстве в достойной и достаточной полноте и глубине. Всего христианства объять никто не может.

Одни замечают, видят и ценят, так называемую в науке, метафизическую сторону христианства. Не может человек уйти от известных вопросов, как не может уйти от самого себя; вопросы эти называются вопросами высшего порядка – о Боге, о мире: откуда этот мир? в чем

его сущность? каково его предназначение? какое место в нем занимает человек? что такое сам человек, откуда он, житель ли он только этого мира, или в нем звучат запросы, отголоски и отзвуки какого-то бытия нездешнего? откуда эти запросы? каково должно быть поведение человека в жизни? что такое его совесть, как наполнить ее достойным и удовлетворяющим наш Дух содержанием, откуда в ней различие добра и зла, откуда сознание греха, где от греха спасение? Не уйти нам от вопросов о Боге, мире и человеке, которыми всегда был занят человеческий ум. И христианство, действительно, дает нам на все эти вопросы ясные, вразумительные ответы, на которые душа наша, по природе христианка, отзывается тайным согласием, согласием радостным, которое наполняет нас отрадою и блаженством. Всё это так, – и всё же здесь не всё христианство, а только одна сторона его.

Другие видят в христианстве высокое, нравственное учение, столь глубоко и столь полно отразившее всё стремления и всю жажду бессмертного человеческого духа, что за время, протекавшее от первых слов проповеди Евангелия и до наших дней, в области нравственного учения буквально никто, нигде, никогда ни на единую черту не мог прибавить что-либо новое, высшее и совершеннейшее, сверх того, что сказано христианством. И это всё правда, – и опять скажем, всё же здесь не всё христианство, а только одна сторона его.

Иные преклоняются пред величайшею преобразующею жизнь людей таинственной силою христианства. Не внешним переустройством жизни, не новыми законами для отдельных лиц, для семьи, для обществ и государств человеческих, а вечным духом веры и любви, и общения с Богом и со Христом христианство, действительно, побеждало и побеждает зло и несовершенство мира, пересоздает людские сердца, человеческие взгляды, убеждения, стремления, законы, устройство жизни, общественность и государственность, – реформирует людей тем глубоким и решительным преобразованием человеческих душ, которое Спаситель в притче Своей сравнивает с малой закваской, поднимающей всё тесто (см. Мф. 13, 33). И всё это правда, но снова повторим: здесь не всё христианство, а опять – только одна из сторон его.

Монашество берет в христианстве самое существо его как религии, как общения человека с Богом, и притом человека падшего, согрешившего, но Богом воссозданного и искупленного и возведенного в звание и достоинство сына Божия. Монахи – это люди, особо чутко и обостренно сознающие и чувствующие силу греха в людях, его гибельную опасность для мира, его невыразимую тяжесть для нашей совести. Грех родил и рождает смерть: как же не говорить о ней монахам? Если они говорят о смерти и даже помышляют больше о смерти, чем о жизни, то разве это есть односторонность и ненависть к жизни как к Божию созданию? Не наоборот ли, не есть ли это признак истинного и высокого сознания ценности настоящей и неповрежденной жизни? А те, которые умалчивают о грехе, о его тяготе, о смерти духа и тела и говорят только о любви к жизни – не они ли являются людьми болезненно и опасно односторонними? Ибо ежедневно, ежечасно, ежеминутно смерть о себе напоминает и говорит не менее сильно, как и жизнь.

Монахи – это люди, которые, сознав грех и его пагубу в себе и в человечестве, помнят, разумеют и чувствуют, что Христос искупил грешный мир человеческий, что Он пострадал за все грехи прошлые, настоящие и будущие, что жертва Его искупительная всеобъемлюща, что Церковь, которую Он основал для продолжения Его дела, для усвоения людям плодов Его искупления, вечная, вселенская, всеобъемлющая, что Царство Его всеми обладает. Они представляют своими душевными очами Христа Искупителя непрестанно и везде: как страдал Он за жизнь мира, как возлюбил людей любовью, крепкою до смерти, как скорбел, тужил и плакал Он, когда несказанное бремя взятых Им на Себя добровольно грехов человеческих давило в Гефсимании Его безгрешную совесть. Они, иноки, – это те христиане, которые, повторяя и исполняя слова апостола, ничего не хотят знать в мире, кроме Иисуса Христа, и Сего распятого; для них мир распялся, и они для мира (см. 1 Кор. 2, 2; Гал. 6, 14). Поминай Господа Иисуса,

распятого при Понтии Пилате, – эти слова апостола Павла к ученику его и чаду веры и послушания Тимофею звучат ведь как вечная заповедь христианам (см. 2 Тим. 2, 8; 1 Тим. 6, 13).

Оттого любят монахи взирать на Распятие, оттого молятся пред Распятием; оттого кресты у них везде – и на парамане, и на четках, и на груди; оттого крест, простой деревянный крест, есть любимейшая, необходимейшая и самая выразительная принадлежность пострига, и вместе, всегда и везде трогательная священная принадлежность каждой монашеской кельи: деревянные, кипарисовые, перламутровые, каменные, золотые, серебряные, медные, костяные – эти кресты у монахов являются их проповедью себе самим, другим людям и всему миру.

Глубоко входит монашество в сознание тяготеющего над людьми греха, и не только над людьми, но и над всем миром. То, что обычно забывается всеми христианами, монашество хранит и помнит: именно то, что, по учению апостольскому, и вся тварь совоздыхает с человеком, несет на себе печальное и скорбное иго человеческого греха, желая облечься в свободу и славу чад Божиих (см. Рим. 8, 22–23). Монашество чутко угадывает и разделяет эту всемирную скорбь природы, и, таким образом, является оно мировой скорбью, в высшем, самом чистом и глубоком значении этого слова.

Но всё это – разве есть ненависть к жизни? Нет, здесь истинная любовь к жизни, соединенная с желанием всепокоряющим и всеобъемлющим – сделать жизнь свободной от греха.

Оттого у монахов и видна эта пристрашливость (опасение, осторожность), эта трогательная боязливость греха, соблазна диавола, в деле, в слове, в помыслах, этот страх и заботливость, чтобы и к добродушному делу, слову, помыслу не приражился дух сатанинской прелести, нечистого самопревозношения, греховного самодовольства, горделивого самолюбования. Оттого и на языке монахов слышны слова: «искушение», «враг» (диавол), боязнь лести лукавого и т. п. – что вызывает часто добродушную улыбку, а то и злобную насмешку со стороны людей мира, часто давно уже сделавшихся «брашном чуждему», пищею диавола, но не замечающих этого...

При таком настроении, когда в монахе вся душа заполняется сознанием греха, страхом, как бы не поработать греху, мировой скорбью, мировой жалостью, желанием освободить мир от греха, – есть ли время и возможность думать о себе, тем более о веселье и удовольствиях мира?

О, тогда естественным сам собою является пост; естественною является продолжительная молитва, усердная покаянная молитва за этот самый мир, во зле лежащий, – во спасение его, молитва как глубокая потребность верующего сердца, ищущего богообщения и в богообщении – крепости и силы противу греха и противу врага спасения. Тогда естественным становится отречение от своей воли, ибо она, по опыту знаем, слишком удобопреклонна ко греху; в ее свободе, не уравновешенной сознанием воли Божией, открылась некогда в саду Эдема, на заре истории человечества, причина изначального нашего падения. Отсюда и монашеское послушание Богу, Церкви и данным от Церкви руководителям – главная добродетель иночества. Естественным становится в монашестве и отречение от похотей плоти, борьба с ними, ибо в похоти плоти некогда Ева нашла первый плод ко греху. Естественным и необходимым является, наконец, это глубокое смирение, с одной стороны, и страшная боязнь гордыни, с другой, – что видится у каждого доброго монаха: ибо не в гордыне ли начало греха, не гордыня ли является самым опасным советником для человека?

Но разве во всём этом – ненависть к человеческой природе? Нет, здесь, наоборот, любовь к этой природе, соединенная с желанием видеть природу человека в ее первоизданной, от Бога дарованной красе.

Грехопадение человека, с одной стороны, и искупление его Спасителем с другой, – вот грани монашества в области догмата. Оно желает войти в подвиг Христов, оно исходит ко Христу, вне градов, поношение Его нося на себе, оно берет ношу Христову и желает теснее приобщиться к Его искупительной жертве и служению... Не отсюда ли у монахов и это частое приобщение Святых Христовых Таин, Тела и Крови Искупителя, на высоте подвига делающееся ежедневною потребностью?

Любовь к бессмертной красоте добродетели, с одной стороны, и боязнь греха, с другой, – вот грани монашества в области нравственной жизни. А над всем сим – любовь к Богу и любовь к гнущему от греха миру, в том смысле, чтобы избавить его от греха, привести к Богу, к познанию истины и спасения – вот сущность монашества.

Кто не понимает всего этого, тот не понимает и христианства; кто не любит, не читит монашество как благороднейший плод и цвет христианской жизни, тот далек от православия, и больше того – не вышел еще за пределы той веры, о которой апостол говорит: *...бесы веруют, и трепещут...* (Иак. 2, 19). Кто не сознал, какое значение в христианстве имеет аскетизм, подвиг, самоотречение, самоотвержение, тот не ведает даже азбуки христианства. Кто повторяет с чужого голоса, будто монашество есть враг всякой радости, тот еще не знает о той радости, о которой говорил Спаситель апостолам в самые тяжкие и скорбные часы: *...радость ваша исполнится... и радости вашей никто не возьмет от вас* (см. Ин. 15, 11; 16, 22).

Да, много и радости в монашестве, но чтобы ее познать и испытать, надо опытно пройти его настроение и путь его подвига. Радость эта, мир и покой не чувствуются ли и пришедшими сюда богомольцами? Почему они стремятся в монастыри? Почему здесь нас сретает и нам передается особый душевный покой? Почему так хорошо нам в хороших обителях? Посмотрите и на самих монахов в хороших монастырях: они приветливы, они благодущны, они не ропщут, не жалуются, они ни за что на свете, ни на какие земные радости не променяют своей иноческой радости духовной. А там, за стенами обителей, где мир гоняется за радостью, как за убегающей тенью, – не там ли слышатся выстрелы самоубийц, не там ли взаимное озлобление и борьба отравили жизнь, не там ли муки, ненависть, злоба, зависть и «мирский мятеж», по монашескому выражению?

Так ничего не остается от обвинений против монашества.

В молодости мы придаем особое значение метафизической стороне христианства, освещающей запросы нашего ума. В годы первоначального мужества, когда человек определяет свое положение и отношение к другим, пред ним выступает великое нравственное значение христианства. Когда он отдается работе общественной и государственной, он видит его преоб-

разующую, созидательную силу. Но чем дальше, тем больше растет в человеке сознание своего греха пред Богом – он видит в Христовой вере путь возрождения и прощения грехов. В годы же, приближающие нас уже к могиле, снявши соблазнительные и обманчивые покровы со всего греховно-мирского, уразумев подлог греховных радостей, обман, мишуру во всём, что манит нас греховными радостями, как драгоценность мирских удовольствий, перестрадавши, перегоревши в заблуждениях, в ошибках, в разочарованиях и падениях – человек подходит к тайне страдания как искупляющего подвига, подходит к распятому Искупителю. Так даже в отдельном человеке меняется постоянно отношение к христианству. Только Церковь сильна и способна воспитать нас так, что эта односторонность, эти увлечения уравниваются в нас, и мы идем средним царским путем Евангелия. Но Церковь высоко ставит подвиг монашества, видит в нем путь спасения избранных душ, и можно безошибочно сказать и утверждать, что те христианские общины, в коих угасает или угас дух монашества, тем самым свидетельствуют, что они уже на пути к вырождению и смерти.

В православном церковном монашестве – не индийский аскетизм, где страдание безнадежно, где отчаяние заполняет жизнь, где истребление, прекращение и подавление жизни является идеалом.

В православном церковном монашестве люди спасаются в уповании и надежде. Оно – великий подвиг и добродетель; оно не ненависть, а любовь; оно не погибель, а спасение. Монашество есть жизнь, а не смерть. Аминь.

Смысл и значение монашества

Слово, сказанное 24 июня 1911 года в день Рождества святого Иоанна Предтечи, в Благовещенске-на-Амуре, в новоучрежденном женском Богородичном монастыре

Я вижу сегодня, несмотря на полупраздничный день, большое стечение богомольцев в этом храме, который с недавнего времени, для многих, быть может, и неожиданно обратился в храм монастырский.

И тем не менее не к этим собравшимся богомольцам я намерен говорить слово поучения: принося извинение пред ними, я буду просить позволения говорить сегодня именно монахиням и о монашестве, в полной, однако, уверенности, что сказанное о монашестве будет полезно и для тех слушателей, которые не принадлежат к иноческой дружине.

Если бы такие слушатели через это достигли только одного – перестали бы осуждать монашество, если бы они смогли и возразить на всякого рода нападки на монашество и, таким образом, хоть несколько, приникли бы к глубокому смыслу иночества, этого удивительного проявления религиозной и церковной жизни, то подобный результат нашего слова вполне бы вознаградил меня как проповедника.

Знаю, что бывают времена повальных увлечений и общего, затверженного, упорного повторения одних и тех же мыслей и слов. Знаю, что при таких условиях трудно убеждать предубежденных, но верю, что одно ваше пребывание сегодня в стенах монастыря уже говорит за то, что вы не принадлежите к числу таковых упорствующих в истине.

Есть и еще побуждение говорить сегодня о монашестве и подвижничестве – это память прославляемого нами сегодня святого праведника. Иоанн Предтеча – не проповедник ли монашества? Задолго до учреждения его как особого звания и состояния в христианском обществе,

задолго до составления всяких уставов монашеского жития он уже показал пример всецелого отрешения от мира ради высших духовных целей, пример подвижничества, пустынножительства и самоотречения.

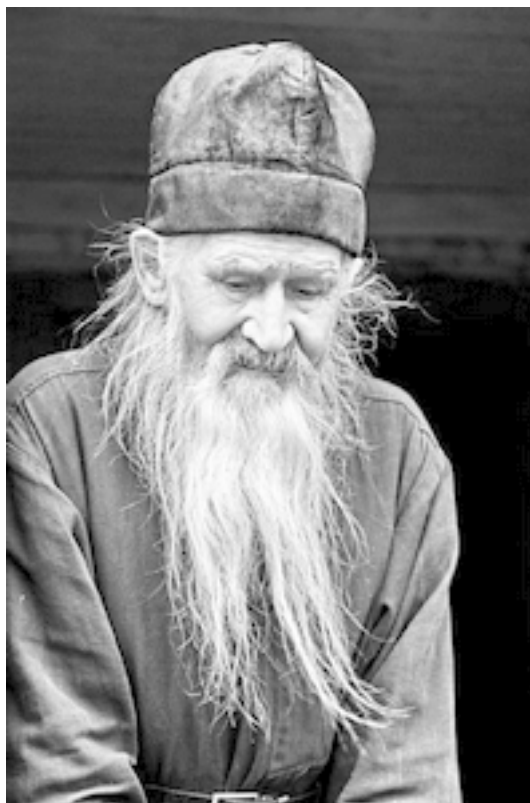
Не он ли показал и то, что в пустыню к подвижнику всегда идет и мир за советом и руководством? Не к нему ли, отрешенному от всех и всяких мирских дел и, по-видимому, в них мало понимавшему, однако, приходили воины, мытари, фарисеи, саддукеи, приходили и все спрашивали: «Что нам делать?» И каждому скорбному и греховному сердцу, воистину, он рассказал его печальную историю, и каждому вопрошающему он дал краткий, но вразумительный совет и урок, и в каждой душе зажег он священный огонь веры, покаяния, отрадной надежды спасения и святого воодушевления.

Не его ли слово загремело на людном пути Иорданском, ударяло по струнам сердца, обличало грозно и смело неправду?

И не его ли скорбная история жизни и мученическая смерть как бы преднаписали пророчески жизнь подвижников христианских?

Много ныне возражают против монашества. Это любимый предмет для разговоров, для газетных суждений и нападок. Не станем, после примера жизни Иоанна Крестителя, доказывать, что для многих монашество, без всяких писанных уставов, есть как бы их естественное состояние. Скажем одно: в сектах и вероисповеданиях, отвергших иноческий подвиг, как, например, в протестантстве, мы видим все-таки везде попытки восстановить иночество или заменить его чем-либо подобным. Не знак ли это, что жажды подвига нельзя подавить и нельзя насильственно и принудительно указать ему один какой-либо искусственно одобряемый путь, вроде семьи и семейного служения? И еще: наше время слишком много говорит о свободе самоопределения личности в жизни и деятельности.

Итак, если пред нами то или другое лицо по природе расположено к монашеству, если удары жизни и тяжкий опыт греха и падений поставили его на этот путь, если душа затосковала о молитве и возжаждала всецелого и безраздельного служения Богу и ближним в лице братства обители, а не в лице собственной семьи, и желает служить спасению мира не устройством удобств жизни, а молитвой за гибнущий мир и деятельным примером борьбы с грехом, этим источником гибели мира, – то спрашивается: кто смеет и во имя какой свободы может заставить такое лицо жить не так, как оно желает, как расположено и даже как оно единственно может, а по иным, чуждым для него правилам? Тогда где же ваша хваленая свобода? Если бы к монашеству обязывала Церковь всех, то можно было бы против этого негодовать, даже бороться, как с насилием, но если зовут только желающих и могущих вместить, для принятия же обетов требуют долговременного искуса и осторожности, – то уж не Церковь тогда насилует совесть, а, наоборот, хулители и враги монашества насилуют совесть тех людей, которые ищут тесного и скорбного жития и особого подвига иноческого.

Церковь же устами святых отцов своих исповедует всеобдержное правило: похваляем святое иночество, чтим честное вдовство, благословляем доброе супружество... Благословляем супружество ныне и мы, празднуя рождение Предтечи в семье от праведных родителей...

Восхвалим же ныне и святое иночество! Призовем для сего в свидетели прошлое, возьмем оттуда урок и настоящему.

Вот почти тысячу лет тому назад наши предки, языческие славяне, принимают православную веру. Знаем мы их языческую жизнь: «Живяху зверинским образом», – говорит о них древний летописец; у них умыкание девиц, у них ужасающее пьянство и частые убийства; их богатыри выпивают чары зелена вина по полведра и этим похваляются, разъезжают они по русской земле и силушку свою показывают... Былины наши помнят о том, как были наши предки-язычники «несыты блуда», как занимались они пиршествами и весельем, служили только своей плоти и чувственности, полагали, что Руси есть веселие пити.

Как возможно было смягчить эту грубую жизнь? Как среди царства грубой плоти заговорить о правах и обязанностях человеческого духа – о жизни духовной? Заговорить, скажете, словом... Но одного этого было недостаточно. Слова летят, говорит мудрое старинное изречение, а трогают и увлекают... примеры. И вот в пещерах Киевских являются монахи и дают такие примеры. Чтобы знать их, надо читать так называемый Киевский Патерик, где описаны подвиги иноков Киево-Печерской лавры. Иноки измождают плоть; отказываются от пищи и питья; целыми неделями простаивают на молитве; зарываются в землю, отдают тело на терзание комарам в болоте. Скажут и говорят: «К чему, зачем эти странные и страшные подвиги?» Ответим: «Они были нужны. Это был единственно доступный и понятный грубой языческой среде язык, ибо надо крепко кричать, чтобы разбудить крепко спящего».

Народ, смотря на подвижников, видел, что есть дух в человеке, что плоть в нем далеко не всё, что ее можно и должно подчинять и покорить духу и его вечным задачам. Крайностям рабствования плоти были противопоставлены примеры ее умерщвления; крайностям чисто плотской, грубой, чувственной жизни была противопоставлена жизнь духовная, чистая, возвышен-

ная; идеалу неизменному, земному и животному противопоставлен был наглядно, всевидимо и доступно идеал всецелого служения Богу и небу, вечному спасению.

Это – бессмертная заслуга старого русского монашества в воспитании духа и мировоззрения нашего православно-русского народа.

Миновали века – миновала и нужда в таких чрезвычайных подвигах и особых мерах воспитания русского народа.

Но миновала ли и может ли когда-либо миновать нужда в воспитании вообще духовного в нас настроения, в напоминании нам о высшем горнем мире, о служении Богу, об освобождении нашем от уз греховной плоти? Думать так – значит поверить в святость и непорочность человеческой природы и ей поклониться как идолу. Мы знаем, что всегда, по слову апостола, в нас плоть побораёт на дух, и они ищут противоположного и друг другу противятся, – следовательно, борьба этих двух начал никогда в нас не прерывается (см. Гал. 5, 17).

Но бывают особливые времена или особливые обстоятельства, когда духовная жизнь наша подвергается опасности полного угашения. И тогда-то ярко сияют пред нашими очами подвиги иноков – и благо стране, народу, если в годину общего увлечения житейскими и плотскими попечениями среди народа являются люди, которые молчаливо, в духе веры, любви, смирения и терпения отдаются служению духу и являются земными Ангелами и небесными человеками. Это – монахи, монахини и монастыри. Каждый день медным гласом колоколов возвещают они осуетившимся людям, что есть Бог, небо, дух, молитва, подвиг, Божии заповеди, смерть. Суд, ад и рай. В темных одеждах, в смиренном виде, хоть изредка показываясь среди людей, больше того, – одним своим существованием – они безмолвно проповедуют и напоминают всем о высшем смысле существования человека. Они являются тогда как бы воплощением сегодняшнего урока святого апостола: Ныне близко нам спасение... Ночь прошла, а день приблизился. Отложим дела темные и облечемся в оружия света. Как днем, будем ходить благообразно, не в безчинстве и пьянстве, не в студодеянии и блудодеянии, но облечемся в Господа Иисуса Христа и потребностей плоти не будем обращать в похоти (см. Рим. 13, 11–14).

Таких проповедников часто очень не любят: но кто не дает спать разоспавшемуся человеку, разве тот приятен ему? Будем откровенны: Сибирь подавляла дух человека своей суровой борьбой с природой, своими суровыми условиями жизни. Сибирь являлась – при крайне малом, прямо ничтожном, населении, разбросанном на огромных пространствах, – являлась родиной и как бы естественным местом безцерковья. Но то, что дал так называемый Дальний Восток в этом отношении, не идет и в сравнение с коренной Сибирью. Войны, жадность наживы, золотая горячка, спешная торговля, быстро растущая, рассчитанная на хищничество и быстрое обогащение, вздорожание жизни – всё это пропитало жизнь грубо материальными и чувственными интересами, заботами, стремлениями. Эти быстро выросшие города, эти внезапно разбогатевшие целые семьи и отдельные лица, эти театры, рестораны, веселье, кутежи, безумные денежные траты – всё указывает на то, что здесь плотские интересы сильно и опасно обострились. Духу и духовной жизни уделяется слишком мало места в новой «культурной» жизни Дальнего Востока.

Понятно теперь после всего сказанного, какое огромное воспитательное значение имеют для народа иноческие обители. Понятно, как все, не потерявшие вкуса и интереса к духовной жизни, должны радоваться и этой новой обители иноческой, в которой мы сейчас совершаем нашу молитву.

Пусть звучат эти колокола; пусть не меркнет крест на этом храме; пусть высится он к небу и напоминает о небе; пусть немолчно здесь возносится молитва; пусть, как солнце среди туч, сияет обитель подвигом духовным. Пусть обители спасают нас и наш мир от грозного приговора, за которым некогда последовал потоп; сей Божий приговор гласил: Не может Дух Мой жить среди этих людей, ибо они стали плотью (см. Быт. 6, 3).

Нигде не нужны теперь обители в такой мере, как здесь, на Дальнем Востоке. Как некогда пустынный житель Иоанн Предтеча, станут и они на людном, и шумном, и суетном пути многоговорливой здешней слишком плотской жизни и напомнят и напоминают осуетившимся людям об истинной и достойной человеческой, а не животной жизни, напомнят и напоминают вечную заповедь: *Духа не угашайте* (1 Сол. 5, 19).

Яко пустынное краснейшее овца, Предтече, мучениче Христов, ныне в пустыню страстей водворяющаяся, мя настави к жизни покаяния божественною твоею молитвою. Аминь.

Тропинка к единому на потребу

Об обязанностях монашествующих

Из книги святителя Феофана Затворника «Начертание христианского нравоучения»

Особый чин в Церкви составляют монашествующие. В первые времена они не отделялись от народа, хотя вели особую среди него жизнь. Но потом они отделились и составили свой священный союз по благочестию, союз, под руководством совершеннейшего, подвигающихся о спасении в братском единении. Главное их значение – в малом виде представить лицо Церкви Христовой в ее совершеннейшем состоянии.

Совершенство в христианском житии есть главное дело всякого из монашествующих. Но поелику все они между собою и со своим руководителем вступили в особые отношения, то отсюда имеются и разные обязанности у них. Судя по сему:

а) Главное дело монахов есть молитва неусыпная, непрестанная, о Церкви, Отечестве, живых и мертвых. Они – жертва Богу от общества, которое, предавая их Богу, из них составляет себе ограду.

Применительно к сему, в монастырях преимущественно должно процветать священнослужение благообразное, чинное, полнейшее, продолжительнейшее. Церковь является здесь во всей красоте своего облачения.

б) Имея первую целью совершенство в христианской жизни, они дают обеты. Тем строже должны исполнять сии обеты они, что стремятся к богоугождению, к делам которого принадлежит и исполнение обетов. По существу сих обетов каждый должен чувствовать в себе, что

у него нет ничего своего, должен иметь себя бедным, ничего не стяжевать, а всё, что имеется, относить ко всем. Должен спешить взойти к бесстрастию, ревнуя об ангельском житии; для того удручать тело свое постом, бдением, трудом и держать себя так, чтоб не только тело не чувствовало страстных движений, но и душа была свободна от помыслов, и страстных и суетных; не должен иметь своей воли, но всецело и душу, и тело предать в распоряжение настоятелю и, несмотря ни на какие кажущиеся несообразности, делать только то, что повелит. Главное же – действуя телесно, должен действовать и духовно, ибо в духе цель телесного.

в) Составляя из себя, под руководством одного, братский союз и как бы одно тело, они составляют как бы частную Церковь, а потому имеют на себе и все церковные обязанности. Здесь настоятель – пастырь; братия – пасомые. Дело настоятеля – неусыпное попечение о спасении и совершеннейшем житии братий; хранение в ненарушимости древлеположенного чина как общего монашеского, так и частного, в своем монастыре, равно как и обычаев, принятых от отцев. Его же дело пещись о благосостоянии и благолепии храма и всего монастыря, промыслять о содержании братии монашеской.

Дело братий – покорствовать во всём своему настоятелю и отцу; точно и тщательно исполнять служение и послушание свое, потому что тем строится и стоит целое. Между же собою пребывать всегда в братском союзе, мире, любви, смиренном взаимопредпочтении, в общении духовном, во взаимном содействии, вразумлении и укреплении; не соблазнять и не соблазняться, не обижать и не обижаться.

Так как монашествующие, вышедшие сами из мира телесно, не оставляют его духом, непрестанно воссылая молитвы о благосостоянии обществ, то и мир не должен забывать их, и не только не препятствовать образованию монастырей, но всячески желать того и содействовать, сначала уступкой самых лиц и мест, а потом доставлением нужнейшего; да и всегда иметь монастыри в чести и благочестном внимании, благодарить за них Бога и молить о безопасности подвижающихся, и внешней, и внутренней, ибо много им труда, и сильны и скоры для них соблазны.

Душеполезные наставления

Об искушениях и терпении

Чтобы понятнее было тебе, как всякие вообще искушения посылаются Богом на пользу нам, прими во внимание, что скажу. Человек, по влечению растленного естества своего, горд, славолубив, любит показность, крепко стоит за свои мысли и решения и желает всегда быть высоко ценимым всеми, гораздо выше, нежели он есть на самом деле. Такое самоценение и самомнение крайне пагубно в деле духовного преуспевания, так что одной его тени достаточно, чтобы не дать человеку достигнуть истинного совершенства.

Почему человеколюбивый Отец наш Небесный, премудро промысля о всех нас, особенно же о тех, кои искренно предали себя на служение Ему, искушениями, какие попускает найти на нас, поставляет нас в такое настроение, в коем легко можем избежать страшной опасности от этого самоценения и почти вынужденно дойти до истинного смиренного себя познания...

Невидимая брань. Гл. 25

Несправедливости от Бога никогда не приходят, но попускаются они Богом во благо тому, на кого попускаются. Истинно во благо!

Это не простая фраза, а настоящее дело. Но тому, на кого падают, претерпеть их надо. Вот эта надобность терпеть и нас встретила. И извольте благодушно терпеть, что бы у вас там ни было.

Того хочет от нас Бог для нашего блага.

Коль скоро так настроитесь, всем беспокойствам конец.

Теперь вы заботитесь о себе и всё случайности хотите устроить и поворачивать по-своему. А как всё не клеится, то вы и мучаетесь: что-то не так, другое не этак. А когда всё предадите Господу и будете принимать как от Него исходящее и для вас благопотребное, то никакого беспокойства иметь не будете, а только будете посматривать кругом, чтобы увидеть, что посылает Господь. Богу угодить стараясь, а не своему желанию удовлетворить напрягаясь. Вникните хорошо, о чем говорю, и положите достигнуть такого настроения. Облекитесь верою и терпением.

Переменится и то, что вас тяготит. Настанут дни, когда свободно будете дышать.

Хозяйка сажает в печку пирог и не вынимает его оттуда, пока не удостоверится, что он испекся. Владыка мира и вас посадил в печь и держит в ней, ожидая, пока испечется. Терпите же и ждите. Как только испечется, и минуты не будете сидеть долее в печи. Тотчас вынут вас вон. Если же рванетесь сами вон, будете то же, что недопеченный пирог. Вооружитесь же терпением! Извольте хорошенько напечатлеть это в мысли своей и навешайте тем утешение себе на сердце. Всё от Бога. К Нему и прибегайте, и молитесь. Своими словами сказывайте Ему: «Видишь, Господи, что у меня! Справиться не могу с собой. Помогите, Всемилостивый!» И всякую частицу своей нужды перескажите Ему, и на это всё просите соответственной помощи.

Святитель Феофан Затворник

О смирении и подвиге

...Монастырь наш шумен; но нечего делать: живешь не так и не там, как и где бы хотелось, а где и как приводит непостижимый Промысл Божий. Преданность воле Божией и бла-

годарение Бога за всё случающееся улаживают всякое положение и научают извлекать из него душевную пользу. Смирение почти рядом идет с подвигом, то есть оно доставляет почти тот же успех, каковой доставляется подвигом; смирение одно, само по себе, полезно; а подвиг без смирения не только не приносит никакого плода – напротив того, приносит вред, вводя в высокое о себе мнение и в осуждение ближних. Смирение состоит в том, между прочим, чтобы признавать себя достойным того положения, в котором мы находимся, и недостаточным (недостойным) положения лучшего и высшего, даже и в духовном отношении, и покорно предавать себя воле Божией. Таковое настроение мыслей свидетельствуется в его истине миром, принятым сердцу, и наставляет человека на путь живота вечного.

В наше время Бог дарует спасение более при посредстве смирения, нежели подвига: ныне, при умножившихся немощах, подвиг особенно опасен, как сильно наветуемый осуждением, притом требующий опытного руководителя; а смирение – всегда непадательно. Самые немощи и грехи, когда мы сознаемся в них и раскаиваемся, способствуют к смирению. Таким образом во всемогущей деснице премудрого Бога самое зло споспешествует благому намерением небагким, по выражению некоторого великого отца...

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

Не перемена места истребляет грехи, но смирение.

Преподобный авва Исаия

О грехе

Есть грех не к смерти, это – когда человек совершил беззаконие, мучается совестью и горячо кается. Простится такой грех, хотя бы был чудовищным по своей великости.

Но есть грех к смерти, когда человек совершил беззаконие и не только не кается, но смакует преступление, любит им, цинично наслаждается, открыто хвастается...

Николай Варжанский Миссионерское обозрение, 1913, № 4

О покаянии

Всеблагий Бог не упрекает грешника, раскаявшегося в прежних сквернах и грехах, потому и не упрекал Он возвратившегося блудного сына. Кто по собственной своей воле впал в глубокую пропасть грехов, тот со страхом и любовью приступи к благому Господу и проси Его.

Приступите кающиеся и примите оставление грехов своих. Дверь отверста умоляющим. Иисус Христос никому не отказывает в прощении. Пока не пришла смерть, пока не заключены двери, не отнята возможность войти, пока не померк свет, пока не напал на вселенную ужас... проси, грешник, щедрот у Бога. Бог не ведет счета долгам твоим... Покажи Ему только покаяние, и отымет у тебя беззакония твои.

Если будешь плакать ты, грешник, и сокрушаться о своих грехах, и с верою умолять Господа, Он оставит тебе беззакония твои и излиются на тебя щедроты Его, потому что жаждет и желает Он обращения твоего.

Преподобный Ефрем Сирин

Что внутри нас деется?

Из книги святителя Феофана Затворника «Внутренняя жизнь»

Желающий исправить себя должен познать себя; желающий познать себя должен испытать себя; а желающему испытать себя надлежит войти внутрь себя, подвергнуть рассмотрению всё, бывающее там, чтобы через то навикнуть различать в себе всё доброе и худое и, соответственно тому, действовать на себя. Смежи всяк внешние чувства свои, обрати око внимания внутрь и смотри – что там.

На первый раз вы ничего там не увидите, не потому, чтобы там не было ничего, но потому, что там слишком много всего, и всё сбито и бродит в беспорядочном смятении. Вы будете испытывать то же, что испытывают, когда бывает густой туман. Туман, как стеною, отражает от нас все предметы и сокрывает их в себе; так точно и тот, кто в первый раз обращается внутрь себя, видит, что как мрачным покровом закрыто всё его внутреннее. В этом можете удостовериться теперь же. Но не прекращайте труда самоуглубления. Потерпите немного, и вы скоро начнете различать мало-помалу происходящее внутри вас, подобно тому, как вошедший снаружи в слабо освещенную комнату, постояв немного, начинает один за другим различать находящиеся в ней предметы.

Усугубьте же внимание и смотрите: вот предмет, который вас занимал, отошел, его место заступил другой, этот тотчас замещен третьим, не успел этот показаться, как его теснит четвертый, гонимый, в свою очередь, пятым и так далее. Одно помышление спешно сменяется другим, и это так быстро, что почти нет возможности дать себе отчета в том, что прошло через нашу голову. Эта подвижность помышлений не оставляет нас не только в промежутках занятий, например, при переходах с одного места на другое, но и во время их, как бы важны они ни были: и во время молитвы в храме или дома, во время чтения и даже углубленного размышления. Обычно называют это думанием; в существе же дела это есть расхищение ума, или рассеянность и отсутствие сосредоточенного внимания, столь нужного в деле управления самим собою. Вот это и поставьте первою чертою нашего внутреннего человека. Противоположное тому состояние у святых есть внимание ума, по коему ничто самовольно не входит в голову и не выходит из нее, а всё подчинено свободе и сознанию, в коем обычно пребывает один Бог и лицо Его созерцающее. Между этими противоположностями стоят разные степени душ, трудящихся в борьбе с помыслами и ревнующих об умиротворении их.

Присмотритесь еще внимательнее, и вы различите в себе, под этим смятением помышлений в уме, в воле постоянную заботу об устройении своего быта, которая непрестанно точит душу, как червь, гонит человека-труженика от одного дела к другому, устремляя его всё вперед и вперед, по недовольству ничем обладаемым, и, при производстве одного, всегда представляя сотни других дел, будто бы неизбежных. С первого пробуждения нашего от сна осаждает душу забота и не дает нам ни посидеть на месте, ни поговорить с кем-либо как должно, ни даже поесть спокойно, пока не свалит нас, утомленных, глубокая ночь на отдых, в свою очередь возмущаемый заботливыми сновидениями. Эта болезнь именуется многозаботливостью, которая снедает душу, словно ржа железо. Ее и поставьте второю чертою того, что происходит внутри нас.

Противоположное сему свойство святых есть беспечалие, которое, впрочем, не есть беззаботность, а смиренный труд, правильный, состоящий в предании себя и своей участи всепромыслительному попечению Божию. Средину между ними составляет борьба самопромышления со смиренным преданием себя Промыслению Божию, при посильном и своем труде.

Смотрите еще глубже, и вы должны увидеть внутри пленника, связанного по рукам и по ногам, против воли влекомого туда и сюда, в самопрельщении, однако ж, мечтающего о себе, что он наслаждается полною свободою. Узы этого пленника составляют пристрастия к разным лицам и вещам, окружающим его, от которых больно нам отстать самим и болезненно расстаться, когда другие отнимают их у нас. Как рыба, попавшаяся на удочку, хоть и плавает, но никак не дальше, сколько позволяет то нить, к которой прикреплена удочка, или, как птица в клетке хоть летает и ходит, но никак не дальше пределов клетки; так и пристрастия оставляют еще душе свободу действовать, как хочет, пока она не касается предметов их; а коснись дело до этих предметов, душа никак не совладает с собою. И чем больше пристрастий, тем меньше круг свободы. А бывает и так, что иной всем связан и не в силах сделать движения в одну сторону без того, чтоб не причинить себе боли с другой. Подобно тому как идущий где-либо в лесу и запутавшийся там и руками, и ногами, и платьем в прилипчивую траву, каким бы членом ни двинул, чувствует себя связанным; таким точь-в-точь чувствует себя и пристрастный ко многому тварному. Это поставьте третьею чертою нашего внутреннего состояния – пристрастность. Противоположное ему свойство святых есть отрешенность от всего, свобода сердца, внутренняя независимость. Средину между ними составляет работа над освобождением сердца от пристрастий.

Расхищение ума, многозаботливость и пристрастность – это еще не вся доля наша. Хоть они качествуют внутри, но всё еще витают как бы на поверхности сердца. Приникнем же глубже вниманием к этому сердцу и прислушаемся к тому, что там.

Упреждаю ваше соображение сравнением. Путник в горах – видит пещеру, вход в которую прикрыт разросшеюся травою, внутри – мрак. Приложив ухо, он слышит там шипение змей, рычание и скрежет зубов диких зверей: это образ нашего сердца. Случалось ли вам когда наблюдать за движениями его? Попробуйте сделать это, хотя в продолжение небольшого времени, и смотрите, что там делается: получили неприятность – рассердились; встретили неудачу – опечалились; враг попался – загорелись мезтью; увидели равного себе, который занял высшее место – начинаете завидовать; подумали о своих совершенствах – заболели гордостью и презорством (презрение к ближним, надменность).

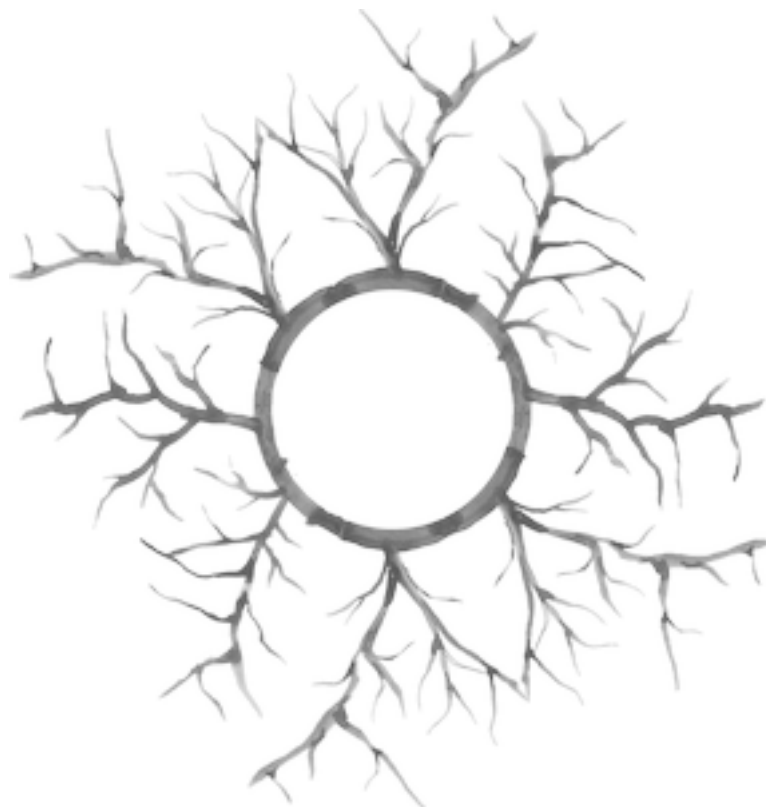
А тут человекоугодие, тщеславие, похоть, сластолюбие, леность, ненависть и прочее – одно за другим поражают сердце, и это только в продолжение нескольких минут. Всё это исходит из сердца и в сердце же возвращается.

Справедливо один из подвижников, внимательных к себе, созерцал сердце человеческое полным змей ядовитых, то есть страстей. Когда загорается какая-либо страсть – это то же, как бы змей выходил из сердца и, обращаясь на него, уязвлял его своим жалом. И когда возникает змей – больно, и когда жалит – больно... Ужаливая, питается он кровью сердца и тучнеет; тучнея, делается более ядовитым и злым и еще более тиранит сердце, в котором живет. Так бывает не с одною только страстью, но со всеми; а они никогда не живут поодиночке, а всегда все в совокупности, одна другую заслоняя, но не истребляя.

Таково сердце человека, греху работающего, кто бы он ни был. В противоположность этому, сердце святых свободно от страстей, или украшается бесстрастием. В середине стоят борющиеся со страстями и похотями под знамением подвигоположника Господа, в Его всеоружии.

Вот чему возможно в каждом из нас делаться. По этому описанию можем определить, что именно во мне и в тебе есть, и что потому мы есмы, и чего можем чаять. Горе рассеянным, многозаботливым, привязанным к чувственному и терзаемым страстями! Блаженны, напротив того, души, внимательные к себе, успокаивающиеся в Боге, отрешившиеся от всего и сердце свое очистившие от страстей! Благословенны и труды тех, которые, оставя пагубы (гибель) первых, стремятся востечь к блаженству вторых!

Семь нечистых духов

Слово Божие бесконечно велико. И человеческое взглядывание в него, даже не выходящее за пределы разумения Святой Православной Церкви, постоянно обретает и новые оттенки постижения, и нераскрытые прежде значения вечного и постоянного смысла.

Хорошо известна и обширно применяется притча Спасителя о нечистом духе, вышедшем из человека. *Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит; тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И, пришедши, находит его незанятым, выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, вошедши, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого* (Мф. 12, 43–45). Добавление Господа Иисуса Христа: *Так будет и с этим злым родом, – ясно показывает, что содержание притчи раскрывает прежде всего социально-историческую судьбу «рода лукавого и прелюбодейного», который «ищет знамения», ибо притча рассказывается Спасителем с намеком на этот «род».*

Но мысль подвижников благочестия обычно останавливается на аскетической экзегетике (объяснение и толкование) притчи, и это очень понятно, так как она поучительна, серьезна и душеспасительна. Но исчерпана ли?

Нечистые духи в аскетическом понимании соединяются нередко с различными родами страстей. Таким образом, вышедший из человека нечистый дух – есть вместе с тем некая побежденная страсть. Дальнейший смысл, кажется, в основном, понятен. Когда душа, по изгнании страсти, не умеет наполнить себя святым положительным содержанием, – нечистые духи помогают внедрить в нее гораздо более обильную насыщенную и интенсивно работающую страстность – семь злейших нечистых духов.

Но почему семь? Случайно ли? А если нет? А если нет, – то есть если число «семь» имеет не просто символический смысл, означающий полноту, но и вполне реалистическое содержание, из сего следует, что семь страстей, которые нечистые духи вызывают к действию в душе

человека, – всегда постоянны, одни и те же (конечно, речь идет только о тех случаях, когда греховные страстные движения, – вполне конкретные, как, например, пьянство и блуд, – из души изгоняются, а начать доброе делание она не озабочивается).

Наблюдение за подобными ситуациями, а у человека внимательного они всегда найдутся под рукой, а также логика духовно-нравственной жизни человека, доказывают одинаковость действия греха в подобных случаях. Что бы нужно было сделать человеку, сумевшему победить греховную привычку? Для начала поставить ум свой на страже сердца, чтобы он рассматривал, по крайней мере, самые грубые греховные помыслы и, как сторож, даже не очень хороший, старался бы не пропускать самые, несомненно, враждебные. А когда этого нет?.. Посмотрим, что может получиться...

Итак, грех побежден! Ура! Склонность, положим, к пьянству изгнана из моего сердца. И я торжествую. Увы, недолго. Я не успел дать место Духу Святому в моем вычищенном сердце. И это так понятно! Я так старался сам, так сильно и умиленно просил помощи Божией; так сердечно и долго пытались помочь мне мои близкие – всячески, и прежде всего – соединенной своей молитвой. И теперь я спокойно и безмятежно отдыхаю. Но тут-то нечистый дух пьянства, поскитавшись по безводным местам, ища покоя, и не обрета, тихонечко возвращается – и, видя горницу души пустой, идет за известной ему семеркой товарищей, которые помогут ему – по опыту знает – вновь вселиться в эту чистенькую, и такую лакомую, такую желанную душу. Дело облегчается тем, что, как он видит, – сторожа нет.

Первым в дело идет нечистый дух гордости, который в зависимости от характера и настроения чистенького «пациента», раскрывается одним из трех лиц: самодовольство («какой я всё же молодец, что сумел сам победить свой грех»), самонадеянность («оказывается, это не так уж трудно; и у меня вполне достаточно сил, чтобы справиться с этим»), самоуверенность («да и вообще эта мерзость не посмеет больше ко мне приблизиться, зная, что я опытный борец с нею и победитель»). И при моей неопытности в духовно-нравственной жизни он, соблазняя меня тремя своими лицами в любом сочетании и последовательности, – проникает и прочно обосновывается в бедной моей душе.

И не просто обосновывается; он дает проход своему товарищу, другому нечистому духу, духу лени. И действительно – что такое? – всё прекрасно и навсегда: дух пьянства не возвращается, другие безобразные духи тоже недвижны по отношению ко мне (а дух самодовольства самоуверенности, самонадеянности проник ласково и незаметно) – можно и отдохнуть. Прежде в моей жизни было много греха, но много и напряженной борьбы. Я устал от этой напряженности; и совесть спокойна; да и что теперь, собственно, нужно делать? – труд духовный, кажется? – ничего, можно и немного погодя. А пока – отдохнем... отдохнем... отдохнем... Я вполне заслужил отдых своей прежней напряженной работой. И дух лени распространяется неторопливо, но властно.

И вот я, нравственный богатырь, свален и опутан сладкой паутиной духа лени, нежелания напряженности. А сей властитель уступает местечко и следующему своему товарищу, закрепляющему успех. Совесть, порою попискивая, подает сигналы, что всё же что-то пора начать и делать. Но лень не дает прохода единственно существенно нужному доброму духу внутреннего делания, зато легко пропускает хитрого и нечистого духа делания внешнего. Всякое внешнее делание имеет обычно то свойство, что им, как правило, душа удовлетворяется. Это опасно и всегда, но особенно опасно тогда, когда внешний, безжизненный характер (или наоборот – слишком чувственный, душевный) приобретает делание по самому существу своему наиболее внутреннее – молитва. Ехидно вползший третий дух нечистый или совсем аннулирует молитву, или делает ее бессильной. Я лишаюсь одного из главных оружий.

Чувство удовлетворенности, так присущее внешнему деланию, гонит прочь остатки покаяния (если только они еще сохранились в моей душе), но зато пропускает торжественно и пышно появляющегося четвертого нечистого духа – нераскаянности, нежелания каяться. Он

бесстрашно проходит в сопровождении хороших помощников: самооправдания и невнимательности к себе. Многочисленные вседневные погрешности, видя свободу проникновения, беспрепятственно проникали в душу и, оставаясь нераскаянными, производили свое разъедающее действие. Для более крупных погрешностей тут же находились извинительные причины. Шло обширное «непщевание вины о гресех» (самооправдание в грехах). Даже бывая в церкви на исповеди (в основном на «общей»), я по существу оставался нераскайным. Так я лишился и другого главного оружия. Нераскаянность уже и сама по себе может привлечь из безводных мест любых нечистых духов; но они – многоопытные – знают, как действовать, где удобнее всего нанести самый большой удар. Его наносит следующий нечистый дух – дух неблагодарности; ему к тому же естественно занять свое срединное место там, где уже обжились самодовольство, лень, безмолитвенность, нераскаянность. Дух сей – очень коварный, лживый и злобный. Тот, кем он овладеет, становится в большой степени чужд действию Святого Духа и не слышит Его внушений. Дух нечистый вселяется в меня, и я качусь в пропасть. Я, неблагодарный, ничего доброго не способен видеть ни в действиях Божиих, ни в действиях людей, жалостливо спешащих мне на помощь, а всё приписываю себе.

Тогда-то, вслед за неблагодарностью, скачет шестой нечистый дух. Он приносит с собой равнодушие ко всем людям. Он приносит с собой замкнутость на себе. И мне все люди безразличны уже лишь по тому, какие они со всех сторон несут мне обиды (обиды, конечно, мнимые, но для меня-то они действительны). Растет озлобленность и недовольство. Между тем, сам я в своей ослепленности и равнодушии, раздаю обиды направо и налево, но, не видя людей, не вижу и наносимые мною обиды. В моей окрестности, по естественному порядку вещей, смыкается круг одиночества. Наиболее разрушительно мое отношение к тем, кто стремится меня спасти...

Сей нечистый дух хорошо поработал. Вокруг меня одни обломки: обломки моей души; обломки прежних добрых отношений. Еще я по укоренившейся привычке во всех моих бедах вижу вину тех, кто суть и были окрест меня, в себе же наблюдаю одно добросердечие, но уже всё более и более неладно становится на душе, и от этой неладности возрастает смутность, и самое главное – невесть как освободиться. И тогда-то вползает и распространяется, как кисель, по всему пространству души седьмой страшнейший дух нечистый – дух уныния. О его действии можно написать диссертацию, но – печальную. Посему лучше здесь поставить точку.

Тем более – самая пора начать запить. Семь нечистых духов сделали всё для того, чтобы духу – простенькому, очевидному духу, например, пьянства – вольготно жилось в опустошенной разрушенной храмине души.

Конечно, это – схема, и схема в реальности, по милости Божией, далеко не всегда доходящая до полного разрушительного предела. И вообще, жизнь представляет такие варианты развития бесспорнейших, кажется, схем, что только ахнешь, и ахать часто приходится. К тому же за пределами рассмотрения схемы остается аскетический вопрос – как противостать нечистым духам. Вместе с тем нравственно-психологический опыт рассмотрения такого механизма страстей может оказаться небесполезным для тех, кто порою в недоумении, ничего не понимая, останавливается перед фактами развития страстной природы души человека, незанятой, выметенной и убранной.

Дай нам всем Господь духа осторожности, внимательности и разумения.

О семи горячностях духа

Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской)

Из сочинений архиепископа Сан-Францисского Иоанна (Шаховского)

Горе человека в том, что он постоянно торопится, но торопится суетно, бесплодно. Человек переворачивает горы своей энергией, воздвигает и разрушает целые города в очень короткие сроки. Но если мы взглянем в его энергию и посмотрим на ее последствия, мы увидим, что она не увеличивает добра в мире. А что не увеличивает добра, то бесплодно. Даже уничтожение зла бесплодно, если это уничтожение не есть проявление добра и не несет плодов добра. Жизнь людей стала в мире очень торопливой и становится всё более торопливой; все бегут, все боятся куда-то опоздать, кого-то не застать, что-то пропустить, чего-то не сделать. Несутся машины по воздуху, воде и земле, но не несут счастья человечеству; наоборот, разрушают еще оставшееся на земле благополучие.

Вошла в мир дьявольская торопливость, поспешность. Тайну этой поспешности и торопливости открывает нам Слово Божие в 12-й главе Апокалипсиса: *И услышал я громкий голос, говорящий на небе: ныне настало спасение и сила и царство Бога нашего и власть Христа Его; потому что низвержен клеветник братьев наших, клеветующий на них пред Богом нашим день и ночь. Они победили его кровию Агнца и словом свидетельства своего, и не возлюбили души своей даже до смерти. И так веселитесь небеса и обитающие на них! Горе живущим на земле и на море! Потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени* (Откр. 12, 10–12). Вы слышите: на землю и на море диавол сошел в великой ярости, зная, что немного ему остается времени. Вот откуда это неудержимое, всё ускоряющееся круговращение вещей и даже понятий в мире, вот откуда всеобщая торопливость и в технике, и в жизни – всё более безудержный бег людей и народов.

Царству сатаны скоро наступит конец. Вот причина веселия неба и тех людей на земле, которые живут небесным. Обреченное, предчувствующее свою гибель зло мечется в мире, будоражит человечество, раздувает себя до последних пределов и заставляет людей, не поживших на свое чело и сердце крестной печати Агнца Божия, безудержно всё стремиться вперед и ускорять свой бег по жизни. Зло знает, что лишь в таком бессмысленном коловращении людей и народов оно может рассчитывать присоединить к своей гибели еще часть человечества. Заторможенные, куда-то несущиеся люди мало способны думать и рассуждать об истинах великих и вечных, для постижения которых нужна хотя бы минута божественного молчания в сердце, хотя бы мгновение святой тишины.

Техника уже давно увеличивает скорость передвижения людей и их добывания земных ценностей. Казалось бы, больше времени должно остаться у людей на жизнь духа. Однако, нет. Душе труднее и тяжелее стало жить. Материальность мира, быстро крутясь, втягивает в себя и душу человека. И душа гибнет, ей нет времени уже ни для чего возвышенного в мире – всё вертится, всё кружится и ускоряет свой бег. Какая ужасная призрачность дел! И, однако, она крепко держит человека и народы в своей власти. Вместо духовного устремления, миром уже владеет психоз плотской быстроты, плотских успехов. Вместо усиления святой горячности духа происходит всё большее горячение плоти мира. Создается мираж дел, ибо к делам призван человек и не может быть спокоен без дела. Но дела плоти не успокаивают человека, так как не человек ими владеет, а они им. Человек – раб дел плотских. Строит на песке. Построение на песке разрушается. От земного дома человеческого остается куча пыли. Вместо многих гордых строений осталась куча песка. И из этого песка опять строит человек себе мир. Песок осыпается, и человек трудится, подбирая его... Бедный человек! Все закованы в цепи малых, ничего душе не дающих дел, которые надо выполнить возможно скорее для того, чтобы можно было, как можно скорее начать ряд других, столь же ничтожных дел.

Где же взять время на добро? Даже подумать о нем нет времени. Всё заполнено в жизни. Добро стоит, как странник, которому нет места ни в служебной комнате, ни на заводе, ни на улице, ни в доме человека, ни – тем менее – в местах развлечений его. Добру негде приклонить голову. Как же торопиться его делать, когда его нельзя даже на пять минут пригласить к себе, – не только в комнату, но даже в мысль, в чувство, в желание. Некогда! И как добро этого не понимает и пытается стучаться в совесть и немного мучить ее? Дела, дела, заботы, необходимость, неотложность, сознание важности всего этого совершаемого... Бедный человек! А где же твое добро, где же твой лик? Где ты сам? Где ты прячешься за крутящимися колесами и винтами жизни? Всё же скажу тебе: «Торопись делать добро, пока ты живешь в теле. Ходи в свете, пока ты живешь в теле. Ходи в свете, пока есть свет (см. Ин. 12, 35). Придет ночь, когда уже не сможешь делать добра, если бы и захотел».

Но, конечно, если ты на земле, этом преддверии как рая, так и ада, не захотел делать добра и даже думать о добре, вряд ли ты захочешь делать его тогда, когда окажешься среди ночи, за дверью этого существования, вытолкнутый из рассеявшей и развеявшей твою душу суеты земной жизни в холодную и темную ночь небытия. Оттого торопись делать добро! Начни сперва думать о том, чтобы его делать; а потом подумай, как его делать, а потом начни его делать. Торопись думать, торопись делать. Время коротко. Сей вечное во временном. Введи это дело, как самое важное дело, в твою жизнь. Сделай это, пока не поздно. Как ужасно будет опоздать в делании добра. С пустыми руками и с холодным сердцем отойти в иной мир и предстать на Суд Творца.

Кто не поторопится сделать добро, тот его не сделает. Добро требует горячности. Теплохладным диавол не даст сделать добра. Он их свяжет по рукам и ногам, прежде нежели они подумают о добре. Добро могут делать только пламенные, горячие. Быть добрым в нашем мире может только молниеносно-добрый человек. И чем дальше идет жизнь, тем больше молниеносности нужно человеку для добра. Молниеносность – это выражение духовной силы, это – муже-

ство святой веры, это – действие добра, это – настоящая человечность! Поспешности суеты и зла противопоставим быстроту, горячность движения в осуществлении добра. Господи, благослови и укрепи! Быстрота раскаяния после какого бы то ни было греха – вот первая горячность, которую принесем Богу. Быстрота прощения согрешившего пред нами брата – вот вторая горячность, которую принесем. Быстрота отклика на всякую просьбу, исполнение которой возможно для нас и полезно для просящего, – третья горячность. Быстрота отдачи ближним всего, что может их вывести из беды, – четвертая горячность духа, Богу верного. Пятая горячность: умение быстро заметить, что кому надо, и вещественно, и духовно, и умение послужить хоть малым каждому человеку; умение молиться за каждого человека. Шестая горячность – умение и быстрая решимость противопоставить всякому выражению зла – добро, всякой тьме – свет Христов, всякой лжи – истину. И седьмая горячность веры, любви и надежды нашей – это умение мгновенно вознести сердце и всё естество свое к Богу, предаваясь в Его волю, благодаря и славословя Его за всё.

Исповедный листок

Многие из говеющих затрудняются, что им сказать на исповеди. Прежде всего и обстоятельнее всего открыть грехи, наиболее смущающие совесть. Такие грехи и сопровождающие их обстоятельства никогда не забываются. Затем исповедь должна быть сколько возможно подробна, смиренна, искренна; в пособие нуждающимся предлагаются два листка, извлеченные из творений нескольких отцов и учителей Святой Церкви. Может быть, они внушат кающемуся хоть мысли некие или напомнят нечто из собственной его жизни.

I

Благослови мене, Господи Спасителю, исповедаться Тебе не словами только, но и горькими слезами. А плакать есть о чем...

Колеблется во мне вера в Тебя, Господи! Помыслы маловерия и неверия теснятся в душу мою гораздо чаще, чем когда-либо. Отчего? Конечно, виноват дух времени, виноваты люди, с коими я встречаюсь, а еще более виноват я сам, что не борюсь с неверием, не молюсь Тебе о помощи; виноват я несравненно более, если являюсь соблазном для другого – делом, или словом, или самым молчанием холодным, когда заходит речь о вере. Грешен я всем, Господи: прости и помилуй, и приложи мне веру.

Падает во мне любовь к людям, даже к родным моим. Их непрерывные просьбы о помощи, их забвение о том, как много уже сделано для них, возбуждают между нами взаимное неудовольствие; но более их виноват я: виноват, что у меня есть средства помочь им, а помогаю неохотно; виноват, что помогаю не по чистому христианскому побуждению, а по самолюбию, по желанию благодарности, похвалы. Прости меня, Господи, смягчи мое сердце и научи меня смотреть не за тем, как ко мне люди относятся, а за тем, как я к людям отношусь. И если они относятся враждебно, внуши мне, Господи, платить им любовь и добром и молиться о них!

Грешен я и тем, что мало, очень мало думаю о грехах своих. Не только в обыкновенное время года, но и во время самого говения я не вспоминаю о них, не стараюсь привести их себе на память для исповеди. На мысль приходят общие фразы: «Ничего особенного; грешен – как все». О Господи, как будто я не знаю, что пред Тобою грех – и всякое слово праздное и самое вожделение греха в сердце. А сколько у меня таких слов и вожделений накопится каждый день, не только за целый год! Ты един, Господи, их веси: Ты даруй мне зрети моя прегрешения, и пощади, и прости!

Далее – постоянным грехом своим я признаю отсутствие почти всякой борьбы со злом. Чуть явится какой-нибудь повод или толчок – и я уже стремглав лечу в бездну греха, и, только павши, задаю себе вопрос: что же это я наделал?! Вопрос бесплодный, потому что он не помогает мне сделаться лучшим. А если при этом и чувствуется скорбь, то она истекает из того, что при этом пострадало мое самолюбие, а не из того сознания, что я огорчил Тебя, Господи!..

Нет у меня борьбы не только с грубым злом, но даже с самой пустой и вредной привычкой. Владеть собой я не умею и не стараюсь. Согрешил, прости!

Далее – преобладающий во мне грех раздражительности не покидает меня нимало. Услышав резкое слово, я не отвечаю благим молчанием, а поступаю, как язычник: око за око, зуб за зуб. И вражда разгорается из пустого, и длится она дни и недели, и не думаю я о примирении, а стараюсь как бы сильнее отомстить при случае. Без числа согреших, Господи, – пощади, прости и умири мое сердце!

Кроме сих важнейших грехов, вся жизнь моя представляется цепью согрешений: я не дорожу временем, данным Тобою для приобретения вечного спасения; я не от всей души ищу Твоей помощи; в церкви я очень часто стою неблагоговейно, молюсь машинально, осуждаю других, как они молятся, а не слежу за собою; дома же молюсь с великим принуждением и рассеянностью, так что часто сам не слышу своей молитвы, а иногда просто опускаю ее. Таково мое отношение к Тебе, Господи, и я ничего другого не могу сказать, как только: прости и помилуй!

В сношениях с людьми я грешу всеми моими чувствами: грешу языком, произнося ложные, скверные, укоризненные и соблазнительные слова; грешу глазами, взирая бесстыдно на лица женские, читая пустейшие романы, целые вечера проводя за картами; грешу умом и сердцем, осуждая других и враждуя часто и долго; грешу не только против души, но и против тела, невоздержно принимая пищу и питье.

Приими, Человеколюбче, мое покаяние, да с миром приступлю к Твоим Святым и Животворящим Таинам, во оставление грехов, во исправление жизни временной и в наследие жизни вечной. Аминь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.